

Майкл Коннелли
Револьвер для адвоката
Серия «Микки Холлер», книга 5

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9964398
Револьвер для адвоката: АСТ; М.; 2015
ISBN 978-5-17-082951-4

Аннотация

Когда-то офисом Микки Холлера был салон автомобиля, а клиентами – уличные бандиты и хулиганы, байкеры и мелкие наркодилеры.

Теперь он – опытный и удачливый адвокат, но порой прошлое дает о себе знать.

Убита известная «ночная бабочка» Лос-Анджелеса, бывшая клиентка и старая приятельница Микки, а главным подозреваемым оказался ее сутенер Андре Лакосс. Он утверждает, что невиновен, и у Холлера есть все основания ему верить. Но кто же настоящий убийца?

Чтобы спасти подзащитного, Микки начинает собственное расследование и очень скоро приходит к выводу, что истина не нужна никому, кроме него. Более того, есть люди, которые готовы похоронить эту истину вместе с самим адвокатом...

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	10
3	15
4	23
5	27
6	32
7	36
8	42
9	48
10	50
Часть 2	52
11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Майкл Коннелли

Револьвер для адвоката

© Hieronymus, Inc., 2013

Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Часть 1

Глори Дейз

Вторник, 13 ноября

1

Хотя к свидетельской трибуне я направился с радушной улыбкой, на самом деле я намеревался нейтрализовать женщину, которая сидела на месте свидетеля.

Только что Клэр Уэлтон опознала в моем клиенте человека, который в канун прошлого Рождества, угрожая револьвером, вытащил ее из «мерседеса». Согласно показаниям, именно он толкнул ее на землю, а затем скрылся, прихватив машину, сумочку и все пакеты из торгового комплекса, которые она предварительно загрузила на заднее сиденье. Уэлтон заявила, что подсудимый, помимо всего, лишил ее чувства безопасности и уверенности в себе. Впрочем, в этой краже – краже настолько личного имущества – его не обвиняли.

– Доброе утро, миссис Уэлтон.

– Доброе утро.

Слова приветствия в ее устах прозвучали как мольба о помощи: «Пожалуйста, не мучайте меня». И немудрено – все в зале суда понимали: мне платят как раз за то, чтобы я ее помучил. Помучил и этим разрушил дело против моего клиента Леонарда Уоттса. Тем не менее почтенная женщина за шестьдесят отнюдь не производила впечатления слабой.

Уэлтон, домохозяйка из Беверли-Хиллз, стала одной из трех жертв, которые пострадали во время предрождественской череды ограблений, вылившейся в девять обвинений против Уоттса. Полиция окрестила вора «Бандит-стукни-по-бамперу». Физически сильный мужчина выискивал в торговых центрах женщину, преследовал ее и на красном сигнале светофора провоцировал аварию. Когда жертва выходила из авто оценить ущерб, он, угрожая оружием, забирал и транспорт, и вещи. Вещи он закладывал или продавал, а машины сбывал на запчасти.

Но все это лишь вменялось в вину, и дело зависело от того, кто мог опознать в Леонарде Уоттсе преступника. Поэтому Клэр Уэлтон оказалась особенной: она стала ключевым свидетелем процесса.

Лишь она указала присяжным на Уоттса, уверенно заявив, что именно он совершил данное преступление. За два дня сторона обвинения вызвала уже семь человек, однако Уэлтон была единственным надежным свидетелем. Заноза номер один; если удастся ее благополучно вытащить, все остальные вылетят сами собой. Выходит, либо я выбиваю страйк, либо присяжные упекают Леонарда Уоттса в тюрьму. Надолго.

К свидетельской трибуне я подошел с одним листочком в руке – оригиналом рапорта, составленным первым прибывшим на место преступления патрульным. После вооруженного угона Клэр Уэлтон позаимствовала у кого-то сотовый и сделала звонок в 911. Рапорт был приобщен к делу стороной обвинения. Я запросил соответствующее разрешение, получил одобрение судьи и положил документ на край свидетельской трибуны. Уэлтон отшатнулась; наверняка большинство присяжных это заметили. А затем, отойдя к кафедре между столами обвинения и защиты, я стал задавать вопросы:

– Миссис Уэлтон, перед нами рапорт с места преступления, составленный в тот день, когда вы стали жертвой неприятного инцидента. Вы помните, как говорили с офицером, который прибыл к вам на помощь?

– Конечно, помню.

– Вы рассказали ему, что случилось, верно?
– Да. Меня еще всю трясло...
– Тем не менее вы смогли рассказать, что произошло, и он составил рапорт с описанием человека, который вас ограбил и угнал ваш автомобиль. Так?
– Да.
– Это был офицер Корбин?
– Полагаю. Имени я не помню, но ведь оно есть в рапорте.
– Но вы помните, как рассказывали офицеру о произошедшем?
– Помню.
– И он кратко изложил ваши слова?
– Да. Так и было.
– Он даже попросил вас все прочитать, а затем подписать рапорт?
– Да, но я сильно нервничала.
– Это ваша подпись в рапорте? Здесь, под абзацем с кратким изложением событий?
– Моя.
– Миссис Уэлтон, зачитайте, пожалуйста, присяжным вслух, что офицер Корбин написал после вашего разговора.

Уэлтон замешкалась, изучая абзац. А обвинитель Кристина Медина, воспользовавшись моментом, встала, чтобы выдвинуть протест.

– Ваша честь, протестую. Подписывала свидетель отчет офицера или нет, адвокат пытается бросить тень сомнения на ее свидетельские показания с помощью документа, автором которого она не является.

Судья Майкл Сибеккер, прищурившись, обернулся ко мне.

– Ваша честь, подписав рапорт полицейского, свидетель официально признала его формулировку.

Отклонив протест, Сибеккер приказал миссис Уэлтон зачитать из рапорта подписанные ею показания. И она в конце концов подчинилась.

– «Жертва заявила, что остановилась на перекрестке Камден-драйв и Элевадо, и в нее тут же врезалась машина. Открыв дверцу, чтобы выйти и оценить повреждения, она наткнулась на чернокожего мужчину, взр. тридцать – тридцать пять»... Понятия не имею, что такое «взр».

– Возраст, – объяснил я. – Не отвлекайтесь, пожалуйста.

– «Нападавший схватил ее за волосы, вытащил из машины и швырнул на землю прямо посреди улицы. Ткнул ей в лицо черного цвета короткоствольный револьвер и сказал, что пристрелит, если она шелохнется или издаст хоть звук. Затем он сел в машину пострадавшей и скрылся в северном направлении. За ним последовал автомобиль, который был причиной аварии. Жертва не смогла...»

Она замолчала.

– Ваша честь, не могли бы вы попросить свидетельницу прочитать показание полностью, все, как записано в день происшествия.

– Миссис Уэлтон, – медленно произнес судья Сибеккер, – прошу зачитать показания целиком и полностью.

– Но, ваша честь, здесь не все.

– Миссис Уэлтон, – настойчиво повторил судья, – зачитайте показание полностью, как вас попросил адвокат защиты.

Уступив, Уэлтон выдавила последнюю фразу:

– «В настоящее время жертва не смогла дать более подробное описание подозреваемого».

– Спасибо, миссис Уэлтон, – сказал я. – Итак, описание подозреваемого дано лишь в общих чертах, зато вы с самого начала были в состоянии детально описать оружие. Я прав?

– Не знаю, насколько детально. Он направил револьвер прямо мне в лицо, я хорошо его рассмотрела и смогла описать. К тому же мне помог полицейский, объяснив разницу между револьвером и другими видами оружия.

– И вы смогли описать вид оружия, цвет, даже длину ствола.

– А разве оружие не всегда черное?

– Давайте вопросы буду задавать здесь я, миссис Уэлтон.

– Просто про оружие полицейский расспрашивал много.

– Тем не менее вы не смогли описать человека, который угрожал вам этим оружием. Хотя всего два часа спустя, на опознании, выбрали его фотографию из многих других. Я правильно говорю, миссис Уэлтон?

– Вы поймите: я видела человека, который меня ограбил и угрожал оружием. Но одно дело описать нападавшего, и совсем другое – узнать. Когда я увидела фотографию, я его узнала. Не сомневаясь. Так же как не сомневаюсь, что за тем столом сидит именно он.

Я повернулся к судье:

– Ваша честь, я хотел бы отметить, что свидетель уклоняется от ответа.

– Ваша честь, – встрепенулась Медина, – в своих так называемых вопросах адвокат делает громкие заявления. Он сделал заявление, свидетель ответила. Замечание об уклонении не имеет под собой никаких оснований.

– Замечание отклоняется, – произнес судья. – Задавайте следующий вопрос, мистер Холлер. И я хочу услышать именно вопрос.

Я задал. Я очень старался. Я двадцать минут изводил Клэр Уэлтон по поводу опознания моего клиента. Поинтересовался, как много темнокожих людей она знала в своей жизни, жизни домохозяйки из Беверли-Хиллз, тем самым дав возможность всплыть проблеме межрасового опознавания... Тщетно. Ни разу у меня не получилось поколебать ее решимость, ее убежденность, что ограбление совершил не кто иной, как Леонард Уоттс. А по пути она, похоже, вновь обрела то, что, по ее словам, потеряла во время ограбления, – уверенность в себе. Чем больше я на нее наседаю, тем лучше она держалась под словесным напором. И отвечала мне той же монетой. К концу допроса свидетельница превратилась просто в кремень. Она опознала моего клиента и точка. А вот я – нет.

Я сказал судье, что вопросов больше нет, и вернулся к столу защиты. Медина сообщила, что у нее есть короткий повторный прямой опрос свидетеля, и я знал, что она задаст Уэлтон пару вопросов, которые лишь укрепят опознание. Пока я пробирался к своему месту рядом с Уоттсом, он пытался углядеть на моем лице хоть какой-то признак надежды.

– Ну, как-то так, – прошептал я. – Нас сделали.

Он отшатнулся, словно мое дыхание или произнесенные слова – а может, и то и другое – вызвали у него отвращение.

– Нас?

Он произнес это достаточно громко, чтобы перебить Медину, которая обернулась и посмотрела на стол защиты. Я сделал примиряющий жест – ладонями вниз – и беззвучно прошептал: «Возьмите себя в руки».

– Взять себя в руки? – взревел Уоттс. – И не собираюсь! Вы сказали, что все уладили. Сказали, что она не проблема.

– Мистер Холлер! – крикнул судья. – Успокойте своего клиента, пожалуйста, или мне придется...

Уоттс кинулся на меня, словно корнербэк, сбивающий игрока с мячом. Мой стул опрокинулся, и мы рухнули на пол к ногам Медины. Она отпрыгнула в сторону, чтобы ее не задела, и в этот момент Уоттс занес правую руку. Я лежал на полу на левой стороне, на пра-

вой руке сверху лежал Уоттс. Умудрившись поднять левую руку, я схватил приближающийся кулак. Но это просто смягчило удар. Увесистый кулак вмял мою руку мне же в челюсть.

Краем уха я слышал, что вокруг забегали и закричали люди. Уоттс вновь занес кулак, собираясь нанести удар номер два, когда подоспели приставы. Они навалились на него всей братией, скрутили и сдернули с меня на пол в пролет перед адвокатскими столами.

Казалось, все происходит в режиме замедленного действия. Судья выкрикивал приказы, которые никто не слушал. Медина и стенографистка старались убраться подальше от потасовки. Секретарь суда, укрывшись за ограждением, застыла, в ужасе наблюдая за происходящим. Уоттс лежал лицом вниз, а сотрудник охраны, положив руку ему на голову, вдавливал его в плитку. Когда смутьяну завели руки за спину и надели наручники, на его лице расплылась странная улыбка.

Все кончилось в одно мгновение.

– Приставы, удалите подсудимого из зала! – приказал Сибеккер.

Уоттса отволокли через боковую стальную дверь в камеру. А я остался сидеть на полу, оценивая нанесенный ущерб. Рот, зубы, белоснежная рубашка – все было в крови. Под столом защиты валялся пристегивающийся галстук, который я привык надевать в те дни, когда посещаю клиентов в камерах – не горю желанием, чтобы меня протащили между прутьями решетки.

Я потер рукой челюсть и пробежал языком по зубам. Похоже, они остались в целости и сохранности. Из внутреннего кармана пиджака я вытащил белый платок и вытер лицо, затем встал, ухватившись свободной рукой за стол защиты.

– Джинни, – обратился судья к секретарю, – вызовите мистеру Холлеру «скорую».

– Спасибо, ваша честь, нет нужды, – мгновенно отозвался я. – Все в порядке. Просто надо немного привести себя в порядок.

Предприняв жалкую попытку соблюсти этикет, я снова прилепил галстук. Пока я возился с зажимом, в зал через основные двери ворвались несколько приставов, среагировав на кнопку сигнала тревоги, нажатую судьей. Сибеккер быстро дал им отбой, сообщив, что инцидент исчерпан. Приставы рассредоточились вдоль задней стены зала суда – демонстрация силы на случай, если кому-то еще взбредет в голову поскандальить.

В последний раз промокнув лицо платком, я громко произнес:

– Ваша честь, приношу глубочайшие извинения за своего клиента...

– Сейчас не время, мистер Холлер. Сядьте на место. Вы тоже, мисс Медина. Всем успокоиться и занять свои места.

Я подчинился приказу, держа сложенный платок у рта и наблюдая, как судья развернулся в кресле к скамье присяжных. Для начала он отпустил со свидетельской трибуны Клэр Уэлтон. Женщина нерешительно встала и направилась к проходу позади столов прокурора и адвоката. Похоже, ее трясло больше всех. И неудивительно. Наверное, она поняла, что Уоттс мог бы так же легко наброситься и на нее.

Уэлтон села в первом ряду, который предназначался для свидетелей и сотрудников, а судья продолжил беседовать с присяжными:

– Дамы и господа, я сожалею, что вам пришлось присутствовать на таком спектакле. Зал суда не место для проявления насилия, здесь цивилизованное общество дает отпор агрессии. Меня искренне огорчает, когда происходит нечто подобное.

Тут с громким щелчком открылась дверь в камеру, и вернулись два охранника. Судья сделал паузу, затем вновь сосредоточил внимание на присяжных:

– Решение мистера Уоттса напасть на своего адвоката поставило под сомнение возможность продолжать данный процесс. Я...

– Ваша честь? – влезла Медина. – Если позволите...

Медина точно знала, куда клонит судья, и ей нужно было что-то предпринять.

– Не сейчас, мисс Медина, и не прерывайте судью.

– Ваша честь, можно провести беседу между судьей и адвокатами? – не сдавалась Медина.

Судья нахмурился, однако уступил. Я пропустил ее вперед, и мы подошли к Сибеккеру. Тот включил настольный вентилятор, чтобы его шум помешал присяжным подслушать наш шепот.

Пока Медина не успела ничего заявить, судья еще раз поинтересовался, не нужна ли мне медицинская помощь.

– Все в порядке, ваша честь, спасибо. Как ни странно, похоже, пострадала лишь моя рубашка.

Судья кивнул и повернулся к Медине:

– Я понимаю ваше недовольство, мисс Медина, но ничего не могу поделать. У присяжных создалось предвзятое мнение из-за того, что они только что увидели.

– Ваша честь, подсудимый – очень жестокий человек, и обвиняется он в очень жестоких деяниях. Присяжным это известно. То, что они увидели, не сделает их излишне пристрастными. Присяжные имеют право наглядно понять, как ведет себя обвиняемый. Он по собственному желанию произвел насильственное действие, поэтому пристрастное мнение, которое может возникнуть у присяжных, нельзя назвать ни незаслуженным, ни несправедливым.

– Если позволите, ваша честь, я позволю себе не согласиться...

– К тому же, – быстро продолжила Медина, – боюсь, что обвиняемый просто манипулирует судом. Он прекрасно знает, что таким образом сможет добиться нового процесса. Он...

– Эй, эй, придержите коней! – воскликнул я. – Протест прокурора изобилует необоснованными намеками и...

– Мисс Медина, протест отклоняется, – сказал судья, пресекая прения. – Даже если возникшее предвзятое мнение и справедливо, мистер Уоттс только что эффектно уволил своего адвоката. При таких обстоятельствах я не могу требовать от мистера Холлера вести дело и не расположен позволять мистеру Уоттсу возвращаться в зал суда. Так что ступайте на свои места. Оба.

– Ваша честь, я хочу, чтобы протест был внесен в протокол.

– Так и будет. А теперь ступайте.

Мы вернулись к своим столам, а судья выключил вентилятор и обратился к присяжным:

– Дамы и господа, полагаю, для вас сложно будет отрешиться от того, что вы только что видели. Поэтому я должен аннулировать судебный процесс и, поблагодарив от имени суда и народа Калифорнии, освободить вас от возложенных обязательств. Вы можете забрать свои вещи в зале для приемов, куда вас сопроводит пристав Карлайл, и затем пойти домой.

Присяжные, казалось, не совсем понимали, что делать, закончилось все или еще нет. Наконец один храбрец встал, вскоре за ним потянулись остальные, и присяжные гуськом вышли через заднюю дверь.

Кристина Медина осталась сидеть за столом обвинения, опустив голову. Поверженная. Судья отложил заседание на день и покинул зал суда. А я свернул и убрал свой испорченный платок.

2

Планировалось, что весь день я проведу в суде. И когда я внезапно освободился, оказалось, что мне не нужно встречаться с клиентами, не нужно общаться с прокурорами. Мне вообще никуда не нужно. Я покинул здание суда и зашагал по Темпл-стрит.

Свернув направо на Первую, я увидел припаркованные вдоль тротуара «линкольны». Словно в траурной процессии, в ряд стояли шесть машин, а водители, ожидая клиентов, кучковались на тротуаре. Говорят, подражание – лучший комплимент. С тех пор как на экраны вышел фильм «Линкольн для адвоката», неожиданно объявилось множество адвокатов, предпочитающих «линкольны». Что одновременно и тешило мое самолюбие, и раздражало. Вдобавок ко всему, за последний месяц я по крайней мере трижды садился не в ту машину.

На этот раз ошибки быть не должно. Спускаясь с холма, я вытащил мобильник и позвонил Эрлу Бриггсу, своему водителю. Я его видел – он стоял прямо по курсу. Он сразу ответил, я попросил открыть багажник и отключился.

Заметив открытый багажник в третьем по счету «линкольне», я понял, что мне туда. Дошел до места, поставил под ноги портфель и снял пиджак, галстук и рубашку. Под рубашкой у меня была футболка, поэтому помех транспорту я не создал. Из стопки запасных сорочек, которые лежали в багажнике, я выбрал рубашку из плотной хлопчатобумажной ткани бледно-голубого цвета, развернул ее и стал надевать.

От компании прохлаждающихся водителей отделился Эрл. Почти десять лет он периодически брал на себя роль моего водителя. Всякий раз, попадая в неприятности, он обращался ко мне за помощью, а потом отрабатывал гонорар. Впрочем, сейчас он расплачивался не за свои проблемы. Я разобрался с лишением права выкупа закладной у его матери: все уладил, и она не осталась на улице. А Эрл взамен шесть месяцев меня везде возил.

Испорченную рубашку я накинул на крыло автомобиля. Он ее забрал и осмотрел.

– Ого! Кто-то пролил полный стакан «гавайского пунша»?

– Что-то вроде. Давай уже, поехали.

– Я думал, заседание на весь день.

– Я тоже так думал. Но все меняется.

– И куда теперь?

– Сначала заскочим в «Филипп».

– Без проблем.

После короткой остановки у закусочной на Аламеда-стрит я попросил Эрла повернуть на запад. Затем мы остановились у Менора-мэнор, что возле парка Ла-Брея в районе Фэрфакс. Я сказал, что вернусь примерно через час, взял портфель и вышел. Свежую рубашку я заправил, но галстук пристегивать не стал. Он был без надобности.

Менора-мэнор – пятиэтажный дом для престарелых в западной части Фэрфакса на улице Уиллоуби. Отметившись в регистратуре, я поднялся на лифте на четвертый этаж, сообщил женщине за стойкой, что у меня юридическая консультация с клиентом Дэвидом Зигелем, и попросил нас не беспокоить. Эта приятная женщина привыкла к моим частым визитам. Она кивнула в знак одобрения, и я прошел по коридору к комнате 334.

Войдя, я закрыл дверь, предварительно повесив на ручку знак «Не беспокоить». Дэвид Зигель, по прозвищу Законник, или попросту Зак, лежал на кровати, вперив взгляд в экран привинченного к дальней стене напротив кровати телевизора, из которого доносились приглушенные звуки. Тонкие бледные руки покоились поверх одеяла. Из трубки, подающей кислород к его носу, слышалось тихое шипение. Увидев меня, он улыбнулся:

– Микки.

– Зак. Как ты себя чувствуешь?

– Как и вчера. Ты что-нибудь принес?

Отодвинув от стены кресло для посетителя, я сел в поле зрения собеседника. В восемьдесят один год подвижностью он не отличался. Я открыл на кровати портфель и развернул его, чтобы Зигель мог достать то, что внутри.

– Французский дип-сэндвич из «Филиппа». Пойдет?

– Ну и ну, – отреагировал он.

Менора-мэнор было безупречным заведением, и под предлогом юридической консультации я немного обходил правила. Зак скучал по тем местам, где он едал за пятьдесят лет работы адвокатом в центральной части города. И я был рад доставить кулинарное наслаждение бывшему партнеру моего отца. Зигель был стратегом, тогда как отец был солистом, исполнителем, воплощал эти самые стратегии в суде. Отец умер, когда мне было пять. И Зак остался со мной. Он ходил со мной, мальчишкой, на футбол, а когда я стал постарше, отправил на юридический факультет.

Год назад, проиграв на выборах окружного прокурора, погрязнув в скандалах и практически уничтожив самого себя, я пришел к нему. Я хотел понять, что делать со своей жизнью, и Зак оказался рядом. Наши встречи действительно были законными консультациями между адвокатом и клиентом, только сотрудники регистратуры не понимали, что клиент – я.

Я помог ему развернуть сэндвич и открыл пластиковый контейнер с соусом. Еще нам завернули в фольгу нарезанный ломтиками соленый огурец.

Откусив первый кусочек, Зак улыбнулся и сделал жест своей тощей рукой, словно одержал великую победу. А я расплылся в улыбке. Мне нравилось приносить ему вкусности. У Зигеля было два сына и куча внуков, но они заходили только по праздникам.

Как говаривал Зак:

– Ты им нужен, пока они не нужны тебе.

При встречах мы в основном обсуждали дела. Зак бесподобно предсказывал планы стороны обвинения. И хотя в этом столетии он ни разу не заходил в зал суда, а Уголовный кодекс со времен его практики уже переписали, это не имело значения. Базовый опыт у него имелся, а искусством игры он владел всегда. Свои приемы он называл ходами: двойной слепой ход, ход с мантией судьбы и так далее.

Я пришел к нему в тяжелое время, после поражения на выборах. Хотел поговорить об отце, понять, как он справлялся с жизненными неприятностями. Но в результате многое понял про закон, понял, насколько он был сродни мягкому свинцу. Как его можно прогнуть и что вылепить.

– Закон – штука гибкая, – объяснял Зак, – пластичная.

Я считал его частью своей команды, что позволяло обсуждать дела. А он по ходу беседы высказывал мысли и предлагал ходы. Часто я принимал их к сведению, и они срабатывали.

Ел Зак медленно. Я давно понял, что сэндвич он мог жевать целый час, откусывая по крохотному кусочку. Ничто не пропадало зря. Он съедал все, что я ему приносил.

– Вчера ночью умерла соседка из триста тридцатой, – сказал он, прожевав очередной кусочек. – Досада.

– Очень жаль. А сколько ей было?

– Молодая. Только перевалило за семьдесят. Умерла во сне. Ее вывезли на тележке сегодня утром.

Я кивнул, не зная, что сказать. Зак откусил еще кусочек и потянулся в портфель за салфеткой.

– Зак, ты забыл про соус. Макай. Он бесподобен.

– Спасибо. Ты воспользовался фишкой с кровавым флагом? Как все прошло?

Зак вытащил салфетку и заметил еще одну капсулу с кровью в закрытом пакете «зип-лок». Я ее взял на случай, если первую по ошибке проглочу.

– Просто волшебнo, – ответил я.

– Судебный процесс аннулировали?

– О да. Кстати, не против, если я воспользуюсь твоей ванной?

Я полез в портфель и достал еще один пакет, с зубной щеткой. Прошел в ванную и почистил зубы. Красная краска сначала выкрасила щетку в розовый, но вскоре все стекло в канализацию.

Вернувшись, я заметил, что Зигель доел только половину сэндвича. Оставшаяся часть уже, должно быть, остыла, но вынести ее в комнату отдыха и разогреть в микроволновке не представлялось возможным. Впрочем, старик все равно казался счастливым.

– Подробности, – потребовал он.

– Итак, я постарался опровергнуть показания свидетельницы, но она держалась. Прямо кремьнь. Тогда я вернулся на место, подал клиенту сигнал, и он сыграл свою роль. Хотя и ударил немного сильнее, чем я ожидал... А самое лучшее, мне не пришлось даже пальцем шевелить, чтобы судебный процесс признали недействительным. Судья пришел к такому выводу самостоятельно.

– Несмотря на протест стороны обвинения?

– Именно.

– Ну и отлично. Так им и надо.

Законник Зигель был адвокатом до мозга костей. Он верил, что его долг – выстроить для своего клиента лучшую линию защиты. И этой мыслью перекрывалась любая нравственная проблема или неоднозначная ситуация. Если в решающий момент необходимо склонить судью к аннулированию процесса, что ж, так тому и быть.

– И теперь возникает вопрос: пойдет ли он на сделку?

– На самом деле обвинитель в этом деле – «она», и, думаю, пойдет. Надо было видеть свидетельницу после такой потасовки. Дико испугалась. Вряд ли она захочет принять участие в новом процессе. Подожду с недельку, а потом попрошу Дженнифер связаться с обвинителем. Подозреваю, она созреет для сотрудничества.

Говоря про Дженнифер, я имел в виду своего компаньона Дженнифер Аронсон. Придется ей взять Леонарда Уоттса на себя. Если останусь я, все будет похоже на подставу, на что в зале суда намекнула Кристина Медина.

Леонард Уоттс не сдал сообщника, парня за рулем машины, которая врезалась в автомобиль жертв. Медина отказалась обсуждать условия сделки между сторонами о признании подсудимым вины до заседания. Уоттс не стал стучать, поэтому Медина не пошла на сделку. Через неделю все изменится, полагаю, по нескольким причинам: линия обвинения по большей части разбилась на первом же заседании, основная свидетельница напугана тем, что сегодня произошло прямо перед ней в суде, а доводить дело до второго заседания было бы напрасной тратой денег налогоплательщиков. Вдобавок к этому я на мгновение дал Медине понять, что может произойти, если она доведет дело до присяжных: мое намерение проанализировать с помощью свидетелей-экспертов подводные камни, на которые можно наткнуться при межрасовом опознавании. С этим не захочет связываться ни один прокурор.

– Черт возьми, – воскликнул я, – возможно, она даже позвонит мне сама. Первая.

Конечно, я принимал желаемое за действительное, но хотелось, чтобы Зак обрадовался. Пока выдалась возможность, я достал из портфеля запасную капсулу с кровью и выбросил ее в ведро для опасных отходов. Нужды в ней больше не было, к тому же она могла лопнуть и испортить документы.

Зажужжал телефон, и я вытащил его из кармана. Звонила Лорна Тейлор – мой координатор, но я решил, пусть наговорит сообщение. Позвоню позже, после того как пообщаюсь с Заком.

– Что еще в планах? – спросил он.

– Ну, суд откладывается, – развел я руками, – и думаю, остаток недели будет свободный. Могу сходить завтра на официальное предъявление обвинения, вдруг подцеплю клиента или даже двух. Надо крутиться.

Дело не только в деньгах. Работа занимала меня и не давала времени думать о том, что в моей жизни шло не так. Поэтому закон стал для меня больше чем просто ремеслом и призванием. Он позволял сохранять рассудок.

Зарегистрировавшись в 130-м департаменте, где в центральном здании Уголовного суда официально предъявляют обвинения, я попытаюсь отыскать клиентов, которых из-за конфликта интересов не взял государственный защитник. Каждый раз, когда окружной прокурор регистрировал дело с несколькими ответчиками, государственный защитник мог взять только одного, а остальные оказывались в зоне конфликта интересов. Если у оставшихся обвиняемых не было частного адвоката, судья его им назначал. Если я послоняюсь там, бездельничая, то очень даже могу получить дело. Оплата, конечно, по гостарифу, но это лучше, чем сидеть без работы и без денег.

– Только подумай, – начал Зак, – прошлой осенью в какой-то момент ты почти победил на выборах. А теперь рыщешь в суде первой инстанции в поисках подачи.

С возрастом Зак подрастерял большую часть социальных навыков, которые в ходу в приличном обществе.

– Спасибо, Зак, – поблагодарил я. – Всегда можно на тебя рассчитывать. Рассчитывать на честное и точное мнение по поводу моей жизненной участи. Не расслабишься.

Законник Зигель поднял свои костлявые руки, – очевидно, в знак вины.

– Я просто высказываюсь.

– Ну да, конечно.

– Тогда расскажи, как поживает твоя дочь?

Уж так устроена голова Зака. Иногда он не мог вспомнить, что ел на завтрак, зато, похоже, навсегда запомнил, что год назад я проиграл намного больше, чем просто выборы. Тот скандал стоил мне любви, общения с дочерью и возможности склеить разбитую семью.

– Ничего не поменялось. Давай не будем все по новой, – попросил я.

Я опять почувствовал вибрацию и проверил телефон. Пришло сообщение от Лорны. Она догадалась, что я не беру трубку и не слушаю голосовые сообщения. Специфический текст сразу привлек мое внимание:

«Позвони, когда сможешь. 187».

В Уголовном кодексе этот номер обозначал убийство. Нужно идти.

– Знаешь, Микки, я завожу о ней разговор только потому, что ты упорно молчишь.

– Я не хочу об этом разговаривать. Слишком больно, Зак. Каждую пятницу вечером я напиваюсь, чтобы проспять всю субботу. Понимаешь?

– Нет, не понимаю. Зачем напиваться? Ты не сделал ничего плохого. Просто выполнял свою работу, защищал того парня, Галловей. Или как там его звали.

– Я напиваюсь в пятницу, потому что именно по субботам я встречался с дочерью. Того парня звали Галлаэр, Шон Галлаэр. Погибли люди, Зак, погибли из-за меня. То, что я делал свою работу, – не оправдание. За этим нельзя так просто спрятаться: парень, которого я оправдал, раздавил на перекрестке двух человек. Да и в любом случае мне пора.

Я встал и покрутил перед ним телефоном, словно демонстрируя причину спешки.

– Что? Я не видел тебя целый месяц, а ты уже уходишь? Я даже сандвич не доел.

– Мы виделись в прошлый четверг, Зак. Я зайду на следующей неделе. А если не получится, то через неделю. Держись и не падай духом.

– Не падать духом? В смысле?

– В смысле – помни, что у тебя есть. Как-то раз мне такой совет дал сводный брат, коп. Доедай сандвич, пока его не отобрали.

Я отправился к двери.

– Эй, Микки Маус!

Я обернулся. Этим именем Зак одарил меня, когда я был еще новорожденным. Обычно я просил его так меня не называть.

– Что?

– Твой отец всегда называл присяжных «богами вины». Помнишь?

– Ну да. Они ведь решают, виновен или нет. К чему ты клонишь, Зак?

– К тому, что куча народа судит нас каждый день, за каждый наш шаг. Богов вины предостаточно. Не стоит увеличивать их количество.

– Сэнди Паттерсон и ее дочь Кэти, – не смог удержаться я.

Похоже, Зака мой ответ сбил с толку, он не вспомнил имена. А вот я их никогда не забуду.

– Мать и дочь, которых убил Галлаэр. Вот мои боги вины.

Я закрыл за собой дверь и повесил на ручку знак «не беспокоить». Может, он успеет проглотить сандвич, пока медсестры не решат его проверить.

3

Вернувшись в «линкольн», я позвонил Лорне Тейлор, и она произнесла слова, которые всегда вонзались в меня палкой о двух концах. Слова, которые будоражили и отпугивали одновременно:

– Микки, если хочешь, можно взять дело об убийстве.

От одной только мысли о таком деле бурлила кровь. И причин тому множество. Прежде всего убийство – самое ужасное из существующих преступлений, что влекло за собой самые высокие ставки. Чтобы защищать подозреваемого в убийстве, нужно быть в числе первых в нашей профессии. Чтобы получить дело об убийстве, нужно иметь определенную репутацию, которая ставила тебя в число первых в нашей профессии. И более того, здесь крутились деньги. Защита подозреваемого в убийстве – вне зависимости от того, доходит дело до суда или нет – процесс трудоемкий и дорогой. Если ведешь дело об убийстве и у клиента водятся деньжата, то вероятнее всего отобьешь год работы.

Обратная сторона медали – это клиент. У меня нет ни тени сомнений, что невиновных тоже обвиняют в убийстве, однако в большинстве своем полиция и прокуроры делают все правильно, и остается лишь торговаться и пытаться скостить срок или улучшить условия наказания. К тому же весь процесс приходится сидеть рядом с человеком, который отнял чью-то жизнь. Что всегда неприятно.

– Есть подробности? – спросил я.

Устроившись на заднем сиденье автомобиля, я приготовил на откидном столике блокнот. Эрл направлялся в центр города по Третьей, самым коротким путем к району Фэрфакс.

– Звонок поступил из Центральной мужской тюрьмы. Парень по имени Андре Лакосс сказал, что прошлой ночью его арестовали за убийство, и он хочет тебя нанять. Но только послушай: я поинтересовалась, кто тебя порекомендовал, и он ответил, что та женщина, в убийстве которой его и обвиняют. Она ему сказала, ты самый лучший.

– Кто она такая?

– А это вообще странно. По его словам, ее зовут Жизель Деллинджер. Я прогнала это имя по нашей базе, оно нигде не упоминается. Ты никогда не представлял ее интересы. Я не знаю, как она узнала твое имя, да еще и успела порекомендовать тебя до того, как ее, предположительно, убил позвонивший нам парень.

У нас была специальная компьютерная программа, в которой хранились все дела. Она позволяла за секунды определять, не проходил ли потенциальный подзащитный как свидетель, жертва или даже клиент в предыдущих делах. За двадцать с лишним лет работы столько клиентов было – всех не упомнишь. Что уж говорить о вспомогательных персонажах. А эта программа сберегала нам уйму времени. Раньше случалось, что я всерьез брался за дело, а потом обнаруживал, что провоцирую конфликт интересов, и все из-за старого клиента, свидетеля или жертвы.

Я взглянул на свой блокнот. Пока я записал лишь имена.

– Понятно. Кто ведет дело?

– Департамент полиции Лос-Анджелеса. Западный отдел по расследованию убийств.

– Этот парень что-нибудь еще рассказал?

– Утверждает, что его подставили, и он никого не убивал.

– Кем ему приходилась жертва: женой, девушкой, деловым партнером?

– По его словам, она на него работала. Я знаю, что тебе не нравится, когда клиенты обсуждают детали по тюремному телефону, поэтому не стала его расспрашивать.

– И правильно, Лорна.

– Кстати, а ты вообще где?

– Ездил к Заку, теперь возвращаюсь в центр. Посмотрю, разрешат ли мне увидеться с этим парнем, хочу присмотреться. Ты не могла бы позвонить Сиско? Пусть немного поразнохует.

– Он уже в процессе. Говорит сейчас с кем-то по телефону.

Сиско Войцеховский был моим сыщиком. А еще мужем Лорны. Они работали из ее квартиры, расположенной в Западном Голливуде. Так сложилось, что Лорна была еще и моей бывшей женой. Шла под номером два, сразу после жены, родившей моего единственного ребенка – ребенка, которому сейчас было шестнадцать и который не хотел иметь со своим отцом ничего общего. Я иногда подумывал повесить на доску блок-схему, чтобы отследить все свои связи и их взаимоотношения. По крайней мере, с Лорной и Сиско у меня сложились исключительно крепкие рабочие отношения и никакой ревности.

– Хорошо, пусть позвонит. Или я сам позвоню, когда выйду из тюрьмы.

– Ладно, удачи.

– И последнее. Этот Лакосс – клиент с деньгами?

– О да. Сказал, что налички нет, зато есть золото и еще кое-какие «ценности», которые он может продать.

– Ты ему озвучила цифры?

– Да, сказала, что двадцать пять тебе понадобится только для начала. Остальное позднее. И его это не обескуражило.

Клиенты, готовые выплатить предварительный гонорар в 25 тысяч долларов, встречались редко. И хотя я ничего не знал об этом деле, оно начинало мне нравиться все больше и больше.

– Хорошо. Я перезвоню, когда что-либо узнаю.

– Ладно, до связи.

* * *

Лакосса я увидел далеко не сразу, какое-то количество воды все же утекло. Заполнив письмо-соглашение с тюремной конторой, я ждал, пока охранники найдут моего клиента и приведут его в комнату для допросов. Мы получили дело всего час назад, но Сиско уже успел собрать предварительную информацию: что-то поведали люди, что-то он узнал из сети.

– По этому убийству полиция еще вчера сделала официальное сообщение для прессы, а про арест пока ни слова. Жизель Деллинджер, тридцати шести лет, была найдена ночью в понедельник в своей квартире на Франклин-авеню, что западнее Ла-Брея. Ее обнаружили пожарные, которых вызвали из-за возникшего возгорания. Тело обгорело, но подозревают, что квартиру подожгли, пытаясь скрыть убийство и представить его как несчастный случай. Хотя вскрытие еще не закончили, есть признаки того, что ее задушили. Официально она проходит как бизнес-леди, однако на сайте «Таймс» опубликована короткая заметка, в которой, ссылаясь на источники из правоохранительных органов, ее называют проституткой.

– Превосходно. Тогда кто наш парень? Клиент?

– На самом деле в той статье говорится, что фараоны допрашивали какого-то делового партнера. Там не сказано, был ли это Лакосс, но сложи два плюс два...

– И получается сутенер.

– Я тоже пришел к такому выводу.

– Великолепно. Похоже, отличный парень.

– Взгляни на это оптимистично: Лорна говорит, у него водятся деньжата.

– Поверю, когда наличные окажутся у меня в кармане.

Вдруг я вспомнил свою дочь Хейли. Она сказала мне кое-что напоследок, перед тем как обрубить контакт: назвала моих клиентов отбросами общества, людьми-паразитами, среди которых одни взяточники, наркоманы и даже убийцы. Сейчас я бы не смог с ней поспорить.

В мой список в данный момент входил вооруженный преступник, который угонял автомобили у пожилых дам, насильник, растратчик денег из студенческого фонда и другие разного рода злодеи. А теперь, вероятно, добавится еще и обвиняемый в убийстве – и не просто в убийстве, а в убийстве в сфере продажного секса.

Мне начинало казаться, что я их заслуживал, а они заслуживали меня. И им, и мне чрезвычайно не везло, таким неудачникам никогда не улыбаются боги вины.

Моя дочь знала тех двух людей, которых убил мой клиент, Шон Галлаэр. Хейли и Кэти Паттерсон вместе учились. Мать Кэти состояла в родительском комитете класса. Хейли пришлось поменять школу. На нее вылилась тонна презрения, когда средства массовой информации сообщили, что Дж. Майкл Холлер-младший, кандидат на должность окружного прокурора Лос-Анджелеса, вызволил Галлаэра после последнего привода за «вождение в нетрезвом виде», воспользовавшись банальной формальностью.

Но суть состоит в том, что Галлаэр сел пьяным за руль, когда его выпустили на свободу благодаря моему так называемому адвокатскому мастерству. И не важно, что Законник Зигель старался заглушить мою совесть, затянув древнее «ты просто делал свою работу». В глубине души я знал, что Галлаэр был виновен. Виновен в глазах моей дочери и в моих глазах тоже.

– Мик, ты еще здесь?

Я вышел из мрачной задумчивости:

– Да. Знаешь, кто работает по делу?

– В официальном заявлении говорится, что расследованием руководит детектив Марк Уиттен из Западного офиса. Напарник не упоминается.

Уиттена я не знал и, насколько мог вспомнить, никогда не пересекался с ним по делу.

– Понятно. Что-нибудь еще?

– Пока все.

Информация Сиско приглушила мое воодушевление. Но от дела я пока отказываться не собирался. Угрызения совести в сторону. Чек есть чек. Мне нужны бабки, чтобы удержать на плаву компанию «Майкл Холлер и партнеры».

– Ладно, я с ним сейчас встречусь, а потом перезвоню.

Охранник отправил меня в одну из кабинок для встреч. Я встал и прошел внутрь.

На стуле по другую сторону стола, который пополам разделяла прозрачная перегородка высотой три фута, уже сидел Лакосс. Большинство моих клиентов из Центральной мужской тюрьмы сутулились и приобретали вальяжные, высокомерные замашки. Такая защитная мера. Если тебе вроде как по барабану, что ты заперт в здании с решетками вместе с двенадцатью сотнями преступников, тогда, возможно, тебя не тронут. С другой стороны, если показать страх, то хищники его заметят. И нападут.

Во-первых, Лакосс оказался меньше, чем я ожидал, хрупкого телосложения и, похоже, гантели в глаза не видел. Одетый в мешковатый тюремный комбинезон оранжевого цвета, он держался с неожиданным достоинством и не выказывал ни капли страха. Но и преувеличенного безразличия, которое я так часто лицезрел в этих стенах, тоже не было. Лакосс сидел на краешке стула абсолютно прямо и, пока я входил в это крохотное помещение, следил за мной острым как скальпель взглядом. Волосы были тщательно уложены волнами, и складывалось впечатление, что он пользовался подводкой для глаз.

– Андре? – спросил я, садясь. – Я Майкл Холлер. Вы звонили по поводу вашего дела.

– Да, звонил. Я здесь случайно. Жизель убили после моего ухода, но мне никто не верит.

– Погодите секунду, дайте устроиться... – Я вытащил из портфеля блокнот, а из кармана рубашки ручку. – Позвольте задать для начала пару вопросов.

– Конечно.

– Сразу хочу предупредить, что не стоит мне лгать, Андре. Вы понимаете? У меня есть правило: кто врет, тот без защитника живет. Я не смогу на вас работать, если не сложатся отношения, при которых я буду верить, что вы мне говорите чистую правду и ничего, кроме правды.

– Никаких проблем. Ведь, кроме правды, мне больше нечего предъявить в свою защиту.

Собирая для досье краткие биографические сведения, я записал список основных вещей. В свои тридцать два Лакосс был не женат и жил в квартире в Западном Голливуде. Родители остались в Линкольне, штат Небраска. По его словам, судимостей у него не было ни в Калифорнии, ни в Небраске, ни где-то еще, и даже штрафы за превышение скорости ни разу в жизни не выписывали. Он дал мне номер телефона родителей, свой сотовый и домашний. Это пригодится, чтобы его выследить, если он выйдет из тюрьмы и не выполнит нашего соглашения об оплате. Записав основные данные, я поднял глаза от блокнота.

– Как вы зарабатываете на жизнь, Андре?

– Я работаю на дому. Программистом. Создаю и поддерживаю сайты.

– Откуда в таком случае вы знали жертву, Жизель Деллинджер?

– Я занимался ее социальными сетями. Сайты, Фейсбук, электронная почта, все такое.

– Так вы что-то типа онлайн-сутенера?

Шея Лакосса тотчас же приобрела багровый оттенок.

– Конечно, нет. Я предприниматель, и она тоже... была... бизнес-леди. Я ее не убивал, но здесь никто мне не поверит.

Свободной рукой я сделал успокаивающий жест:

– Не забывайте, я на вашей стороне.

– Что-то не похоже, раз вы задаете подобные вопросы.

– Андре, вы гей?

– А при чем здесь это?

– Может, и ни при чем, а может, это скажет о многом, когда прокурор заведет разговор о мотиве. Так вы гей?

– Да, если угодно. И не скрываю.

– Хотя здесь, пожалуй, и следовало бы. Ради собственной безопасности. Я могу попросить перевести вас в камеру для гомосексуалистов, как только завтра вам предъявят обвинение.

– Не стоит беспокоиться. Не хотелось бы, чтобы меня как-то выделяли.

– Ну, как знаете. А как назывался сайт у Жизель?

– Giselle-for-you-точка-com. Это основной.

Я записал.

– А были еще?

– У нее были сайты, заточенные под специфические пристрастия, которые всплывают, если задать поиск по определенным словам. Именно этим я и занимаюсь – многоплатформенное присутствие.

Я кивнул, будто его креативность и деловая хватка меня впечатлили.

– И как долго вы с ней состояли в деловых отношениях?

– Она пришла ко мне года два назад. Ей требовался комплексный подход к размещению информации в сети.

– Она обратилась к вам? Что это значит? Как она вас нашла? По рекламе?

Он покачал головой, словно имел дело с ребенком:

– Нет, никакой рекламы я не даю. Я работаю только с теми, кого посоветовали мне люди, которых я уже знаю и доверяю. Ее рекомендовал другой клиент.

– И кто же?

– Извините, вопрос конфиденциальности. Не хотел бы ее в это впутывать. Она человек посторонний.

Теперь уже я покачал головой, словно имел дело с ребенком:

– Сейчас, Андре, я этот момент пропущу, но если я возьмусь за дело, рано или поздно мне нужно будет узнать, кто ее к вам направил. Понятно?

Он кивнул.

– Я с ней свяжусь, – сказал он, – и как только получу добро, сразу позвоню вам. Не привык лгать или выдавать конфиденциальную информацию. И в бизнесе, и в жизни я опираюсь на доверие.

– Отлично.

– Но вы сказали «если возьмусь за дело». Что вы имели в виду? Я полагал, вы уже взяли его. Вы ведь пришли. Разве не так?

– Еще в раздумьях.

Я сверился с часами. Сержант, у которого я отметился, сказал, что у меня с Лакоссом только полчаса. Оставалось обсудить три отдельные темы: жертву, само преступление и мое вознаграждение.

– Времени у нас не много, так что давайте двигаться дальше. Когда в последний раз вы видели Жизель Деллинджер лично?

– В воскресенье, поздно вечером. И когда я уходил, она была жива.

– Где вы встречались?

– У нее в квартире.

– Зачем вы приходили?

– Я пришел за деньгами, но ушел ни с чем.

– Что за деньги и почему ушли ни с чем?

– У нее была работа, а мне, по договоренности, полагается процент с того, чем она занимается. Я устроил ей, как «Красотке для избранных», свидание и хотел получить свою долю. С этими девочками всегда так: если не выбить денег сразу, то исчезнут и носа – не говоря уж о других частях тела – не высунут.

Хотя я не понял и половины того, что он рассказал, но законспектировал все.

– Жизель принимала наркотики?

– Наверное. Грань не переходила, но это часть такой работы и часть такой жизни.

– Расскажите про «Красотку для избранных».

– Клиент снимает многокомнатный номер в отеле «Бeverли-Уилшир», как в фильме «Красотка». А Жизель вроде как играла Джулию Робертс. Понимаете? Особенно после того, как я поработал с ее фотографиями. Да вы все поймете, как только сами зайдете на сайт.

Фильм я не смотрел, но знал, что это история про проститутку с золотым сердцем, которая встречает мужчину своей мечты.

– И каков был гонорар?

– Предполагалось, что двадцать пять сотен.

– А ваша доля?

– Тысяча. Но доли не было. Она сказала, что там все оказалось глухо.

– В смысле?

– Мы так говорим, если она приходит, а дома никого нет, или тот, кто открывает дверь, говорит, что проститутка не вызывал. Я стараюсь проверять такие вещи: сверяю удостоверение личности и все такое.

– Итак, вы ей не поверили.

– Скажем, закрались некие подозрения. Я говорил с женщиной из того номера. Связывался через оператора в отеле. А она утверждала, что там никого не было и даже номер не снимали.

– И вы по этому поводу поспорили?

– Слегка.

– И ударили ее.

– Что? Нет! Я никогда не поднимал руку на женщину. Да и на мужчину тоже! Не могли бы вы...

– Послушайте, Андре, я просто собираю информацию. Итак, вы ее не били. Вы к ней прикасались?

Лакосс замаялся, и я понял, что тут не все чисто.

– Андре, расскажите мне.

– Хорошо, хорошо. Да, я ее схватил. Она отводила глаза, и я решил, что она врет. Поэтому схватил ее рукой за горло. Только одной рукой. Потом я ушел.

– И все?

– Все. Хотя уже на улице, когда я шел к машине, она запульнула в меня с балкона пепельницу. Но промазала.

– А что вы ей сказали в квартире?

– Сказал, что поеду в отель, сам постучу в дверь тому парню и заберу деньги.

– Какой номер комнаты и как звали того парня?

– Номер восемьсот тридцать семь. А парня звали Дэниел Прайс.

– Вы поехали в отель?

– Нет, вернулся домой. Решил, что оно того не стоит.

– Но когда вы хватали ее за горло, вам так не казалось.

Лакосс кивнул, признавая явное противоречие, но ничего объяснять не стал. И я оставил эту тему. На время.

– Ладно. Так что случилось потом? Когда приехала полиция?

– Они нарисовались вчера, примерно в пять.

– Утра или вечера?

– Вечера.

– Они говорили, как вышли на вас?

– Узнали про сайт. И это привело ко мне. Сказали, что есть вопросы, и я согласился с ними поговорить.

Стандартная ошибка – говорить с копами по доброй воле.

– Имена помните?

– В основном там активничал детектив Уиттен. А имя его напарника было вроде Уидер. Во всяком случае, похоже.

– Зачем вы согласились с ними побеседовать?

– Не знаю. Может, потому, что не сделал ничего плохого и хотел помочь? Я сдуру решил, что они пытаются разобраться, что случилось с бедняжкой Жизель. Они ведь не предупредили, что, по их мнению, знают, что случилось, и хотят повесить все на меня.

Добро пожаловать в мой мир, подумалось мне.

– Вы знали, что она мертва, до того как приехала полиция?

– Нет, я ей названивал, строчил весь день эсэмэски. Оставил кучу сообщений. Я сожалел, что устроил разборку. Но она не перезванивала, и я решил, что она все еще злится из-за нашей ссоры. Потом пришли копы и сказали, что она мертва.

Понятно, что когда находят мертвую проститутку, то следствие первым делом идет к сутенеру, даже если это онлайн-сутенер, который не подходит под стереотип здоровяка-сади-

ста и не держит выстроенных по струнке с помощью угроз и физического насилия женщин в публичном доме.

– Разговор с вами записывался?

– Насколько мне известно, нет.

– Вам сообщили о конституционном праве на адвоката?

– Позже, в участке. Я не думал, что мне нужен адвокат. Я ничего плохого не делал. И поэтому сказал, хорошо, давайте поговорим.

– Вы подписывали какой-нибудь документ об отказе?

– Да, что-то подписывал. Но, по правде говоря, не читал.

Я сдержал свое раздражение. Большинство людей, которые сталкиваются с системой уголовного правосудия, оказываются своими злейшими врагами. Они буквально сами подписывают себе приговор.

– Расскажите, как все происходило. Я так понимаю, вы поговорили с полицейскими у себя дома и поехали в Западное отделение?

– Да, мы были дома примерно минут пятнадцать, а потом меня повезли в участок. Мол, хотят, чтобы я взглянул на несколько фотографий подозреваемых. Но просто соврали. Никаких фотографий мне так и не показали. Они завели меня в маленькую комнату и стали задавать вопросы. А потом сообщили, что я арестован.

Чтобы полицейские произвели арест, они должны обладать материальными уликами или свидетельскими показаниями, хоть как-то связывающими Лакосса с убийством. Вдобавок что-то из того, что он им рассказал, должно быть, противоречило фактам. И как только он соврал, или они решили, что соврал, его арестовали.

– Понятно. Вы рассказали им, что ходили к жертве в воскресенье вечером?

– Да. И сказал, что она была жива, когда я уходил.

– Вы им говорили про то, что хватали ее за шею?

– Да.

– Это было до или после того, как вам зачитали ваши права и вы подписали отказ от адвоката?

– Ой. Я и не помню. Вроде бы до.

– Хорошо. Попробую выяснить. Они упоминали о каких-то других уликах, предъявляли вам что-нибудь?

– Нет.

Я снова сверился с часами. Времени уже не оставалось. И я решил на этом закончить. Если возьмусь за дело, большую часть информации раздобуду в судебных документах. И даже неплохо, если от клиента я получу не всю картинку. Я бы заиклился на показаниях Лакосса, и это могло бы повлиять на те ходы, что я предприму в дальнейшем. Например, если Лакосс признается мне, что он все-таки убил Жизель, тогда я не смогу вызвать его для дачи показаний и просить это отрицать. Иначе буду виноват в подстрекательстве к даче ложных показаний.

– Ладно, пока достаточно. Если возьмусь, как вы собираетесь мне заплатить?

– Золотом.

– Это мне сообщили, я имею в виду сколько? И кстати, откуда золото?

– Я все активы храню в золоте. В надежном месте. Если возьмете дело, распоряжусь, чтобы все было у вас до конца дня. Ваш координатор сообщила, что для начала нужно двадцать пять тысяч. Посмотрим котировки нью-йоркской товарной биржи, определим стоимость и просто передадим, сколько надо. Отсюда сложно проверить, что творится на рынке, но полагаю, что слиток в один фунт покроет расходы.

– Вы понимаете, что это покроет только первоначальные расходы? Если дело дойдет до предварительного слушания и суда, потребуется еще золото. Вы можете найти защитника и подешевле, но найти лучше не получится.

– Да, понимаю. Чтобы доказать свою невиновность, мне придется платить. Золота хватит.

– Отлично, тогда пусть ваш курьер доставит слиток моему координатору. Чтобы завтра до первой явки в суд он был у меня на руках. Тогда я пойму, что вы настроены серьезно.

Какое-то время я молча изучал Лакосса, пытаюсь его раскусить. Неизвестно, какими фактами располагает полиция. У меня был лишь рассказ Андре, и я подозревал, что когда всплывут определенные улики, я пойму, что он не так уж невиновен.

– И последнее. Вы сказали моему координатору, что меня рекомендовала сама Жизель. Это так?

– Да, она сказала, что вы лучший адвокат в городе.

– Откуда ей это известно?

Лакосс удивился:

– Она сказала, что знает вас, что вы занимались какими-то ее делами. Сказала, что однажды вы здорово ее выручили.

– А вы уверены, что речь шла именно обо мне?

– Да, точно о вас. Она сказала, что вы разнесли всех в пух и прах. Еще она звала вас Микки Мантл.

У меня перехватило дыхание. Так меня называла одна клиентка, тоже проститутка. Но я не видел ее очень давно. По крайней мере, с тех пор, как посадил на самолет с достаточной суммой денег, чтобы начать все с начала и никогда не возвращаться.

– Ее ведь на самом деле звали не Жизель Деллинджер?

– Понятия не имею. Я ее знал именно под этим именем.

В стальную дверь решительно постучали. Время вышло. Кому-то из адвокатов нужна была комната, чтобы пообщаться с клиентом. Я взглянул на Лакосса. И больше не сомневался, станет он моим клиентом или нет. Я брал это дело. Без колебаний.

4

Эрл подвез меня к «Старбаксу» на Централ-авеню и припарковался напротив у обочины. Я остался в машине, а он зашел внутрь, чтобы взять нам кофе. Я открыл на рабочем столике ноутбук и с помощью *Wi-Fi* кофейни вошел в сеть. Набрал *www.Giselle4u.com* и загрузил сайт женщины, в убийстве которой обвиняли Лакосса. Фотографии были отретушированы, изменилась прическа, успел поработать пластический хирург, но я не сомневался, что Жизель Деллинджер – моя бывшая клиентка Глория Дейтон.

Это все меняло. Помимо спорного в правовом отношении вопроса относительно представления интересов одного клиента, которого обвиняли в убийстве другого клиента, речь шла о моих чувствах к Глории Дейтон и внезапном прозрении, что то, как она меня использовала, не сильно отличалось от того, как ее почти всю жизнь использовали мужчины.

Глория была моим проектом, клиенткой, забота о которой выходила далеко за пределы стандартных отношений адвокат-подзащитный. Почему так произошло, сказать не могу. Разве что меня привлекли ее кривая улыбка, иронический склад ума и критическое отношение к самой себе. За несколько лет я разрулил по крайней мере шесть дел с ее участием. Проституция, наркотики, подстрекательство к проституции... Она увязла по уши, но мне всегда казалось, что она должна иметь шанс преодолеть все это и вырваться.

Я не геройствовал, просто делал для нее все, что мог. Устраивал на коррекционные программы по результатам предварительного слушания, в учреждения социальной реабилитации, направлял на лечение, а однажды, когда она выказала интерес к писательскому ремеслу, даже записал в Городской колледж Лос-Анджелеса. Увы, помогало ненадолго. Проходил год, может, больше, и раздавался звонок: она снова в тюрьме, и ей нужен адвокат. Лорна стала меня убеждать, что нужно от нее освободиться, передать другому адвокату, что она – пропащий человек. Но я не мог. Правда в том, что мне нравилось общаться с Глорией Дейтон, или Глори Дейз – имя, под которым ее тогда знали в профессии. Она смотрела на мир как-то однобоко и также однобоко улыбалась. И эта бродячая кошка никому не позволяла себя гладить, никому, кроме меня.

В наших отношениях не было ни романтики, ни секса. Ничего такого. По правде говоря, я даже не уверен, что мы могли считаться близкими друзьями. Мы слишком редко для этого пересекались. Но я о ней заботился, и известие о ее смерти причинило мне боль.

Последние семь лет я считал, что я помог. Она взяла деньги, которые я ей дал, и улетела на Гавайи, где, по ее словам, ждал клиент с долгосрочной перспективой. Он хотел ее приютить и помочь начать все сначала. Время от времени я получал весточку, порой рождественскую открытку. Глория писала, что все замечательно и ничем запрещенным она не занимается. И от этого казалось, что мне удалось довести до конца нечто, чего редко можно добиться в залах суда и коридорах закона. Я изменил жизненный путь.

Когда вернулся Эрл и принес кофе, я закрыл ноутбук и сказал, что мы едем домой. Потом позвонил Лорне и попросил собрать всех завтра утром в восемь утра.

Андре Лакосс должен был предстать перед судом для предъявления обвинения во время второго слушания, то есть где-то между десятью утра и полуднем. А до этого нужно было встретиться с командой и запустить дело в работу.

Я попросил Лорну поднять и принести все файлы на Глорию Дейтон.

– Зачем тебе дела Глории? – спросила она.

– Потому что она жертва, – ответил я.

– Бог мой, ты уверен? Сиско мне назвал другое имя.

– Уверен, хотя копы пока еще об этом не пронюхали.

– Мне жаль, Микки. Знаю, ты... она тебе нравилась.

– Да, нравилась. Недавно я вспоминал о ней, думая на Рождество – когда не будут работать суды – двинуть на Гавайи. И по приезде хотел ей позвонить.

Лорна промолчала.

Мысль съездить на Гавайи пришла мне, чтобы выдержать выходные, не видя свое дитя. Но я отмел ее в надежде, вдруг все изменится. Вдруг в Рождество дочь мне позвонит и пригласит на ужин. А если бы я поехал на Гавайи, то упустил бы этот шанс.

– Послушай, – сказал я, взяв себя в руки, – Сиско рядом?

– Нет. Он, наверное, пошел туда, где жила жертва – то есть Глория, – чтобы посмотреть, что там можно найти.

– Ладно, я ему позвоню. Увидимся завтра.

– Подожди, Микки, а Дженнифер завтра тоже приходите? У нее, по-моему, слушания в окружном суде.

– Да, обязательно. И если не получится отменить, разужнай, не сможет ли ее прикрыть кто-то из ЗАКОНОВОиНов?

Несколько лет назад я взял Дженнифер на работу прямо с порога Юго-западной юридической школы, и она приняла на себя нашу разрастающуюся адвокатскую практику по случаям лишения права выкупа залоговой. В последний год эта часть работы сократилась, а уголовных дел прибавилось, но Дженнифер все равно тащила на себе груды текущих дел. По залоговым постоянно работали одни и те же адвокаты, они каждый месяц собирались вместе пообедать или поужинать, обменивались историями и стратегиями. Они называли себя ЗАКОНОВОиНы, что расшифровывалось как ЗАКОНОВеды, Ограждающие Неприкосновенность собственности, и их товарищеских отношений хватало, если у кого-то не было времени, чтобы подменить коллегу в суде.

Я знал, что Дженнифер не будет против отвлечься от рутины и ненадолго зайти в криминальное отделение суда. При приеме на работу она первым делом заявила, что хочет сделать карьеру адвоката по уголовным делам. А в последнее время постоянно намекала и по электронной почте, и устно на наших еженедельных собраниях, что настало время нанять еще одного коллегу, чтобы тот взял на себя область дел по залоговым. Она же более активно займется уголовными делами. Я не поддавался, ведь новый сотрудник еще ближе подтолкнет меня к необходимости сделать фирму более традиционной и завести офис, секретаря, копировальное устройство и тому подобную дребедень. Мне не нравилась сама мысль о таких расходах, как и о стандартном подходе к работе. Я предпочитал думать на заднем сиденье авто и доверять инстинктам.

Закончив разговор с Лорной, я опустил окно и подставил лицо ветру. Напомнив тем самым себе, что именно так мне и нравится работать.

Довольно скоро я снова закрыл окно, так как набрал Сиско. Он отчитался, что совершает поквартирный обход здания, где проживала и умерла Жизель Деллинджер.

– Что-то добыл?

– Да так, по мелочам. Ни с кем не общалась. Посетителей было немного. Наверное, занималась бизнесом вне квартиры.

– А попасть внутрь?

– Тут внизу дверь с домофоном. Чтобы войти, нужно предварительно ей позвонить.

Для Лакосса это было нехоти. Полиция, очевидно, предположила, что Деллинджер знала убийцу и впустила его сама.

– Можно снять какие-нибудь показания с двери? – поинтересовался я.

– Устройств для записи нет, – ответил Сиско.

– Камеры?

– Не-а.

Это тоже могло свидетельствовать против Лакосса.

– Ладно, когда закончишь, у меня кое-что для тебя есть.

– Сюда я могу и вернуться. Управляющий зданием готов помогать.

– Ладно, встречаемся завтра в восемь. Но до этого, если сможешь, пробей одно имя.

Глория Дейтон. Дату рождения посмотри в досье у Лорны. Хочу знать, где она была последние несколько лет.

– Считай, что уже сделано. А кто это?

– Наша жертва. Только полиция пока не в курсе.

– Тебе Лакосс рассказал?

– Нет, сам додумался. Она – бывший клиент.

– Знаешь, а ведь этой информацией можно поторговать. Я справился в морге, личность не установлена – ведь тело и квартира сгорели. Отпечатки пальцев получить тоже не удалось. Там надеются, что ее ДНК окажется в системе или что удастся найти ее зубного врача.

– Хорошо, можешь попробовать. Я просто взглянул на фотографии на сайте *Giselle-for-you*. Это Глория Дейтон, старинная клиентка, которая, как я полагал, переехала на Гавайи лет семь назад. Андре рассказал, что последние два года он с ней работал. Нужна полная картина.

– Понятно. А почему она уехала семь лет назад?

Я ответил не сразу:

– У меня было дело, которое принесло хорошую прибыль, Глория играла в нем кое-какую роль. Я дал ей двадцать пять штук, а она пообещала, что завяжет с такой жизнью и начнет все с чистого листа. Там еще был замешан один парень. Она на него донесла, чтобы заключить сделку. Я был посредником. Для нее этот отъезд из города случился как раз вовремя.

– А может, здесь есть связь?

– Понятия не имею. Дело давнее, того парня посадили пожизненно.

Гектор Арранде Мойя. Я еще помнил это имя, оно практически сорвалось у меня с языка. Федералы безумно хотели его достать, а Глория знала, где он.

– Я собираюсь ввести в дело Баллокс, – сказал я, упомянув прозвище Дженнифер Аронсон. – По крайней мере, парень может пригодиться в качестве мнимого противника.

– А ты разве вправе взять дело, если жертва – бывший клиент? Разве это не конфликт интересов?

– Все можно разрулить. Наша правовая система, Сиско, весьма податлива.

– Ясно.

– И последнее. В воскресенье ночью у нее был клиент в «Бeverли-Уилшир», но свидание сорвалось. Поразнухивай там, посмотри, что можно узнать.

– А номер комнаты известен?

– Конечно, восемьсот тридцать семь. Парня звали Дэниел Прайс. Сведения от Лакосса. Но, по словам Глории, номер был свободен.

– Уже еду.

Закончив разговаривать с Сиско, я отложил телефон и, пока мы добирались до моего дома на Фарехолм-драйв, просто смотрел в окно.

Эрл отдал мне ключи и направился к своей собственной машине, припаркованной у бордюра. Я напомнил, что завтра придется заехать пораньше, и стал подниматься по ступенькам к входной двери.

Сложив в столовой вещи на стол, я отправился в кухню за бутылочкой пива. Закрыв дверцу холодильника, я тщательно просмотрел все фотографии и открытки, висевшие на магнитах, пока не нашел почтовую карточку с видом на кратер Даймонд-Хэд, что на острове Оаху. Последняя весточка от Глории Дейтон. Я отцепил ее от магнита и прочитал:

С Новым годом, Микки Мантл!

Надеюсь, дела у тебя идут хорошо. Каждый день хожу на пляж. Здесь солнышко, и все просто чудесно. Но о тебе скучаю. Заезжай как-нибудь в гости.

Глория

Я перевел взгляд с текста на почтовый штемпель. 15 декабря 2011 года, почти год назад. Судя по штемпелю, на который у меня не было причин смотреть раньше, открытка пришла из Ван-Нуйс, Калифорния. То есть у меня на холодильнике почти год висел ключ к разгадке, а я этого не знал. Но теперь ее «спектакль» проявился, как и моя невольная роль в нем. Зачем она так старалась? Я был просто ее адвокатом, и обманывать меня не было необходимости. Если бы я вообще не получил от нее известий, то ничего бы не заподозрил, не стал бы ее искать. Все это казалось до нелепого излишним и даже слегка жестоким. Особенно последняя строчка – приглашение. А если бы я действительно заехал в Рождество, решив сбежать от личной жизненной катастрофы?

Я подошел к мусорному ведру, нажал на педаль, чтобы открыть крышку, и выкинул открытку. Глория Дейтон умерла. Счастливые деньки для Глори Дейз прошли.

Я принял душ и долго держал голову под тугой струей. Многие из моих клиентов плохо кончали. Такая уж у меня профессия, и я всегда рассматривал смерть как неизбежный факт в моей работе. Клиенты, которые обращались повторно, обеспечивали мне хлеб с маслом, и меня не могла радовать потеря заказчика. Только с Глорией все было не так.

Это была не работа. Это было личное. Ее смерть вызвала бурю эмоций, от пустоты и разочарования до огорчения и злости. Я злился на нее не только за ложь, на которую она пошла, но и за то, что осталась в том мире, который в конце концов ее убил.

К тому времени как закончилась горячая вода и я отключил душ, я понял, что мой гнев неуместен. Я понял, что у Глории была какая-то причина, какая-то цель. Возможно, она не вычеркнула меня из своей жизни, а просто защищала от чего-то. От чего именно, я не знал, но должен был это выяснить.

Я оделся и, пройдя через пустой дом, замер у двери в спальню дочери. Она уже год как здесь не останавливалась, и эта комната напомнила мне о родителях, которые, потеряв детей, делают вид, что все по-прежнему. Только мою дочь унесло не несчастье. Я оттолкнул ее сам.

Я пошел на кухню за пивом и столкнулся с ежевечерним ритуалом – нужно было решать, выходить из дома или остаться. Учитывая предстоящий ранний подъем, я выбрал второе и достал из холодильника пару коробок с едой на вынос. Половина стейка и немного салата «Зеленая богиня» – все, что осталось после моего воскресного ночного визита в «Крейг», ресторан на Мелроуз-авеню, в котором я частенько ел в одиночестве за барной стойкой. Я выложил на тарелку салат, а стейк отправил разогреваться в духовку.

Когда я открыл мусорное ведро, чтобы избавиться от коробок, то увидел открытку от Глории. Передумав, я достал ее из мусора и еще раз изучил с обеих сторон, снова размышляя о причине ее посылать. Может, Глория хотела, чтобы я заметил штемпель и стал ее разыскивать? Может, эта карточка была своего рода ключом, который я не понял?

Ответов пока не было, однако я планировал их найти. Снова водрузив открытку на дверь холодильника, предварительно прицепив к магниту, я передвинул ее на уровень глаз.

5

Эрл Бриггс в среду утром ко мне опоздал, поэтому я оказался последним, кто пришел на восьмичасовое собрание. Мы расположились на четвертом этаже здания, предназначавшегося под мастерские, которое стояло на бульваре Санта-Моника возле съезда на скоростную автомагистраль. В это полупустое здание мы имели доступ в любое время, так как Дженнифер уладила дела домовладельца по прейскуранту «услуга за услугу». Он приобрел и реставрировал здание шесть лет назад, когда арендная плата была высока, и независимых телекомпаний в городе было, по-видимому, больше, чем свободных съемочных бригад. Вскоре в экономике произошел спад, и инвесторы, вкладывающие в независимый кинематограф, стали таким же дефицитом, как и уличные парковки у элитных ресторанов. Многие компании свернули свою деятельность, и домовладелец был счастлив использовать здание хотя бы вполсилы. В итоге у него все пошло вверх дном, и тогда он обратился в «Майкл Холлер и партнеры», отозвавшись на нашу рекламную рассылку по домам, которые всплывают в списках по лишению права выкупа закладной. Как и большинство закладных, полученных перед обвалом рынка, эта была объединена с другими и перепродана. Что дало нам шанс.

Дженнифер оспорила процессуальный статус банка, который выкупил закладную, и умудрилась затянуть процесс на десять месяцев, пока наш клиент пытался улучшить положение дел. Но желающих заполучить нежилое помещение в Восточном Голливуде метражом в три тысячи квадратных футов уже было немного. Хозяин не мог расплатиться с долгами и встал на скользкий путь, ежемесячно сдавая помещение рок-группам, которым требовалось где-то репетировать. Взыскание было неминуемо. Вопрос оставался только в том, на сколько еще месяцев Дженнифер сможет его отсрочить.

Зато члены рок-групп любят с утра поспать, и обычно до позднего обеда в здании было пусто и тихо. И мы стали там собираться. Много места, безлюдно, деревянные полы, высокие потолки и прекрасный вид на деловую часть города. А самое замечательное: зал для заседаний – просторное помещение, где стояли восемь стульев и длинный стол. Там мы и встречались, чтобы обсудить дела, и там нам сейчас предстояло разработать стратегию защиты Андре Лакосса, онлайн-сутенера, обвиняемого в убийстве. Одна огромная стена из зеркального стекла выходила прямо в лофт, и, направляясь по огромному пустому помещению к залу, я уже видел, что вся команда собралась вокруг стола и что-то разглядывает. Я решил, что это коробка с пончиками, традиционно покупаемыми для наших встреч Лорной.

– Простите, задержался, – сказал я.

Сиско отошел от стола, и я увидел, что ребята смотрят не на пончики. На столе, сверкая, как встающее над горами утреннее солнце, лежал кирпич золота.

– Не похоже, что здесь фунт, – заметил я.

– Больше, – ответила Лорна. – Здесь килограмм.

– Наверное, он думает, что дело дойдет до суда, – сказала Дженнифер.

На комод у стены слева Лорна поставила кофе и разложила пончики. Поставив чемодан на длинный стол, я направился к комоду: доза кофеина мне была нужнее золота.

– Как настроение? – поинтересовался я, стоя ко всем спиной.

И, пока нес кофе с глазированным пончиком к столу и усаживался, услышал хор положительных отчетов. От золотого кирпича нельзя было отвести глаз.

– Кто принес?

– Доставили на бронированной машине, – отчиталась Лорна, – из места под названием Золотовалютное хранилище. Лакосс заказал доставку прямо из тюрьмы. Мне пришлось расписаться в трех экземплярах. А курьером оказался вооруженный охранник.

– И почему сейчас килограмм золота?

– Примерно пятьдесят четыре тысячи, – отрапортовал Сиско. – Мы только что посмотрели.

Я кивнул. Лакосс больше чем удвоил ставку. Это мне понравилось.

– Лорна, ты в курсе, где суд святого Винсента?

Она покачала головой.

– В районе, где ювелирные. Сразу за Седьмой по Бродвею. Там куча оптовиков, работающих с золотом. Поезжай туда с Сиско, обналичь слиток – если это и вправду золото. Как только получите деньги и положите их на доверительный счет, дайте мне знать. Выпишу Лакоссу чек.

Лорна бросила взгляд на Сиско и кивнула:

– Сразу после собрания и поедем.

– Ладно. Что еще? Ты принесла дело Глории Дейтон?

– Дела, – поправила она, наклоняясь и поднимая с пола стопку папок в девять дюймов.

Поставив на стол, Лорна придвинула их ко мне, но я ловко перенаправил их Дженнифер:

– Баллокс, это тебе.

Дженнифер покорно потянулась за папками. Темные волосы она завязывала в «конский хвост», прическу на все случаи жизни.

– Что искать? – спросила она.

– Пока не знаю. В любом случае лишняя пара глаз не помешает. Я хочу, чтобы ты выжала из папок все возможное.

– Ладно.

– И еще...

Она придвинула к себе ноутбук.

– Да?

– Где-то в последних папках ты найдешь заметки Рауля Левина, моего бывшего следователя. Они касаются торговца наркотиками Гектора Арранде Мойя из картеля Синалоа. Как я помню, его посадили пожизненно. Выясни, где он и что с ним происходит.

Дженнифер кивнула, но потом призналась, что не совсем поняла логику задания:

– А зачем нам разыскивать этого торговца наркотиками?

– Глория пошла на сделку и сдала его. Парня уперли по полной, а нам в какой-то момент, возможно, понадобится альтернативная версия.

– Понятно. Мнимый противник.

– В общем, копай.

– А можно пообщаться с Раулем Левином? Давайте начнем с него. Посмотрим, что он помнит про Гектора.

– Отличная идея, но пообщаться с ним нельзя. Он мертв.

Я заметил взгляд, который метнула Дженнифер на Лорну.

– Это долгая история, и когда-нибудь мы о ней поговорим, – добавил я.

Грустить времени не было.

– Ладно, тогда посмотрю, что мне удастся добыть самой, – сказала Дженнифер.

– Что у тебя? – переключил я внимание на Сиско.

– Пока немного. Ты попросил проверить Глорию с момента последнего ее дела. Я задействовал все ресурсы, и людей, и базы. Так вот, после последнего дела, которое ты вел, она просто исчезла. По твоим словам, она переехала на Гавайи, но если это правда, то она не получала водительских прав, не оплачивала коммунальные платежи, не устанавливала кабельное и не покупала недвижимость ни на одном из островов.

– Она говорила, что у нее там друг, – сказал я. – Он собирался ее обеспечивать.

Сиско пожал плечами:

– Большинство людей оставляют хотя бы намек на след, а я не смог найти вообще ничего. Думаю, более вероятно, что она сделала себе новую личность. Понимаешь, новое имя, документы, все такое.

– Жизель Деллинджер.

– Возможно, хотя это имя могло появиться и позже. Люди, если начинают, обычно не ограничиваются первой сменой личности. Когда они думают, что кто-то к ним подбирается, или просто пришло время, все повторяется по новой.

– Да, но она не проходила по программе защиты свидетелей. Она просто хотела начать все с нуля. А это уже чересчур.

И снова вмешалась Дженнифер:

– Ну, не знаю. Если бы мое имя фигурировало в таком деле, и я захотела начать жизнь с чистого листа, я бы от него избавилась. Сейчас вся информация в цифровом формате, и большая ее часть в открытом доступе.

С этими словами она похлопала по лежащей перед ней стопке папок. Здравая мысль.

– Итак, – начал я, – что известно о Жизель Деллинджер? Когда она объявилась?

– Права выданы в Неваде два года назад, – сказал Сиско. – После переезда сюда она их не меняла. Шестнадцать месяцев назад она сняла квартиру на Франклин-авеню, предоставив четырехлетнюю историю аренды в Лас-Вегасе. У меня еще не было времени ее проверить, скоро займусь.

Достав из портфеля блокнот, я записал пару вопросов, которые нужно было задать Андре Лакоссу при нашей следующей беседе.

– Ясно, что еще? Ты ездил вчера в отель «Бeverли-Уилшир»?

– Ездил. Но прежде давайте поговорим про квартиру на Франклин-авеню.

Я кивнул. Отчитывался-то он. Пусть делает по-своему.

– Давайте начнем с пожара. Его зафиксировали ночью в понедельник, в двенадцать часов пятьдесят одну минуту. Когда сработали датчики в коридоре, жители вышли и увидели дым, выходящий из-под двери жертвы. Пожар уничтожил гостиную, где лежало тело, сильно повредил кухню и две спальни. Детекторы дыма внутри квартиры, очевидно, не сработали. Причина изучается.

– А как же противопожарная система?

– Ее нет, здание старое. Из того что я сумел выяснить на пожарной станции, ведутся два расследования.

– Два?

– Именно. И полицейские, и пожарные сначала согласились, что это несчастный случай: жертва уснула на диване с сигаретой, а катализатором послужила блузка из полиуретана. Но предварительная экспертиза коронера заставила их поменять свое мнение. Останки на месте преступления упаковали, наклеили бирки и забрали в офис судмедэксперта.

Сиско взглянул в свои записи, накорябанные в карманном блокноте, который в его громадной левой руке казался крошечным.

– Осмотр тела проводила помощник судмедэксперта по имени Селеста Фрейзер. Она установила, что подъязычная кость в двух местах сломана. Что довольно быстро изменило взгляд на ситуацию.

Я посмотрел на Лорну и понял, что она не в курсе, что такое подъязычная кость.

– Это маленькая косточка в форме подковы, которая защищает трахею, – пояснил я, дотронувшись до горла.

– Если она сломана, значит, шею повредили, применив силу. То есть жертве сдавили горло, задушили.

Лорна кивком поблагодарила меня, и я попросил Сиско продолжить.

– Итак, они вернулись и начали расследование убийства по полной программе. Прошли по соседям. Я, кстати, поболтал с большинством из тех, с кем они беседовали. Кое-кто слышал спор в ее квартире примерно в одиннадцать вечера в воскресенье. На повышенных тонах. Мужчина и женщина с жаром спорили насчет денег.

За именами Сиско снова обратился к блокноту:

– Миссис Аннабет Стивенз живет прямо напротив квартиры жертвы. Она наблюдала в глазок и говорит, что сразу после спора оттуда вышел какой-то мужчина. По ее словам, время было между половиной двенадцатого и двенадцатью, новости уже закончились, а в двенадцать она пошла спать. Позже, когда копы показали ей фотографии, она опознала Андре Лакосса.

– Это она тебе рассказала?

– Да.

– А она знала, что ты работаешь на парня, которого она опознала?

– Я сказал, что расследую смерть в квартире напротив, и она охотно со мной поговорила. Больше я ничего не конкретизировал, а она не спрашивала.

Я кивнул Сиско. Отлично сработано: игра только началась, а он уже сумел так ловко выудить рассказ ключевого свидетеля обвинения.

– Сколько лет миссис Стивенз?

– Лет шестьдесят пять. Думаю, что большую часть времени она проводит у дверного глазка. В любом доме есть такая неравнодушная особа.

Тут вступила Дженнифер:

– Если она утверждает, что мужчина ушел до полуночи, почему детектор дыма в коридоре молчал еще пятьдесят минут?

– Вариантов может быть несколько, – снова пожал плечами Сиско. – Например, дым не сразу пробился под дверь. А внутри все это время мог полыхать пожар. Или, например, огонь развели с помощью какого-нибудь фитиля или приспособления, что дало преступнику время уйти и быть вне подозрений. А могло быть и то и другое.

Сиско залез в карман, достал пачку сигарет и спички. Вытряхнув одну сигарету из пачки, он затем вставил ее внутрь не плотно закрытого спичечного коробка.

– Старо как мир. Зажигаешь сигарету, и она медленно догорает до спичек. Спички вспыхивают и поджигают запал. Дает фору от трех до десяти минут, в зависимости от сигареты.

Я кивнул, хотя больше себе, чем Сиско. Я представил себе, как поведет себя в этом случае линия обвинения, и уже обдумывал стратегии и ходы.

Сиско продолжил:

– Вы знаете, что по закону в большинстве штатов есть трехминутная норма сгорания сигарет до тла, на случай если их оставят без присмотра? Поэтому многие поджигатели используют иностранные сигареты.

– Здорово, конечно, – отметил я, – но можно ближе к делу? Что еще ты там обнаружил?

– Пока все, – сказал Сиско. – Хотя я позже туда вернусь. Многих не было дома, когда я стучал.

– Просто они смотрели в глазок и, видя тебя, пугались.

Я вроде как пошутил, но не без доли правды. Сиско ездил на «харлее» и соответствующе одевался. Его стандартный прикид состоял из черных джинсов, ботинок, черной футболки в обтяжку и кожаного жилета сверху. А учитывая его внушительные размеры и пронизывающий даже через глазок взгляд темных глаз, я не удивился, что некоторые люди ему не открыли. На самом деле меня больше поразило, когда он доложил о сотрудничестве свидетеля. Невольно хотелось удостовериться, что сотрудничество было именно добровольным.

– По-моему, тебе не мешает периодически надевать галстук, – добавил я. – У меня их полно, могу поделиться.

– Нет уж, спасибо, – решительно ответил Сиско. – Переходить к отелю или хочешь еще покритиковать?

– Да ладно, уж и поддеть нельзя... Давай про отель. Ночка у тебя выдалась бурная.

– Я добрался туда поздно. Зато именно там кое-что стало наклеиваться.

Он открыл свой ноутбук и, пока говорил, ввел команду, отбивая по клавишам огромными пальцами.

– Я умудрился понравиться службе безопасности «Бeverли-Уилшир». И галстук не понадобился. Они...

– Ладно, ладно, – сказал я. – Тема галстуков закрыта.

– Вот и хорошо.

– Давай дальше. Что тебе там сказали?

6

Важным оказалось не то, что ему сказали в отеле, а то, что ему показали.

– В отеле почти все общественные места находятся под круглосуточным видеонаблюдением, – сообщил Сиско. – И визит нашей жертвы воскресным вечером в отель оказался записанным в цифровом формате. Мне предоставили копии за сущие гроши, которые я внесу в статью расходов.

– Да без проблем, – кивнул я.

Он развернул ноутбук на столе, чтобы остальным было видно экран.

– С помощью базового редактора я скомпоновал из записей, сделанных с разных ракурсов, одно непрерывное видео.

– Давай, ставь свой фильм, Скорсезе.

Сиско нажал кнопку, и мы стали смотреть. Изображение было черно-белым, зернистым и без звука, однако лица опознавались. Сначала мы увидели фойе сверху. Судя по временной отметке наверху экрана, было 9.44 вечера. Хотя в отеле толпился народ – поздние заезды и выезды, входили и выходили какие-то люди, – обнаружить Глорию/Жизель оказалось довольно просто. Мы заметили ее сразу, когда она прошла через фойе по направлению к лифтам. Глория надела черное платье до колен и вела себя совершенно непринужденно, как дома. В руке у нее была сумка из универмага «Сакс», что помогало создать образ женщины, которая в таком отеле бывает часто.

– Это она? – спросила Дженнифер, указывая на женщину на круглом диванчике, демонстрирующую свои ноги.

– Слишком нарочито, – сказал я. – Вот она.

Я ткнул в правый угол экрана. Глория улыбнулась охраннику, стоявшему у входа в лифт, и уверенно прошла мимо.

Вскоре ракурс изменился, теперь мы смотрели с потолка перед лифтом. Глория, в ожидании лифта, проверяла на телефоне почту.

Следующая точка съемки располагалась внутри кабины. Глория вошла и нажала кнопку 9. По пути вверх она подняла сумку и заглянула внутрь. Но мы не могли рассмотреть содержимое. На девятом этаже она вышла, и экран погас.

– Так, здесь ничего не видно, – проговорил Сиско. – На гостевых этажах камер нет.

– А почему? – поинтересовался я.

– Как мне объяснили, все дело в частной жизни. Когда доходит до бракоразводных процессов и повесток в суд, записи, кто и куда вошел, могут вызвать слишком много проблем.

Экран вновь ожил – Глория ехала на лифте вниз. Я обратил внимание на временную отметку: прошло пять минут. Вероятно, Глория прождала в коридоре около номера 837 довольно долго.

– А на девятом этаже есть внутренний телефон? Она все это время стучала в дверь или позвонила вниз на стойку регистрации?

– Телефона нет, – сообщил Сиско. – Смотрите дальше.

Доехав до первого этажа, Глория вышла из лифта и подошла к стоящему на столике у стены внутреннему телефону и вскоре уже с кем-то разговаривала.

– Просит соединить ее с номером, – объяснил Сиско. – Оператор отвечает, что Дэниел Прайс в гостинице не зарегистрирован, а номер 837 свободен.

Глория повесила трубку. Судя по позе, она была недовольна и разочарована. Зря приехала.

– А теперь внимание, – сказал Сиско.

Глория была уже на полпути к выходу, когда в кадр попал мужчина, идущий в тридцати футах позади нее. Он был в фетровой шляпе и шел, нагнув голову, вглядываясь в экран телефона. Похоже, он также направлялся к парадному входу. В нем не было ничего подозрительного, кроме того, что черты его лица скрывал головной убор. Внезапно Глория передумала и пошла к стойке регистрации. Мужчина, который за ней шел, тоже резко сменил направление и присел на круглый диван.

– Он следит за ней? – спросила Лорна.

– Приготовьтесь, – отреагировал Сиско.

Глория подошла к стойке регистрации, подождала, пока обслужат гостя, а потом что-то спросила у администратора. Тот постучал по клавиатуре, взглянул на монитор и покачал головой, очевидно, объясняя, что в отеле нет гостя по имени Дэниел Прайс. Все это время подозрительный незнакомец сидел, склонив голову и глядя на телефон, и поля шляпы скрывали его лицо.

– А тот парень даже ничего не набирает, – заметила Дженнифер. – Он просто пялится в свой сотовый.

– Он смотрит на Глорию, – поправил я.

Шляпа мешала сделать стопроцентный вывод, но то, что за Глорией следили, было похоже на правду. Закончив разговор у стойки регистрации, она повернулась и вновь направилась к выходу. Достала из сумочки сотовый и нажала быстрый звонок. По дороге к двери она успела что-то быстро сказать в трубку, потом бросить ее в сумку. И вышла на улицу.

Пока Глория еще находилась в зоне видимости, мужчина в шляпе встал и пересек фойе. Когда она была уже в дверях, он ускорил шаг. Похоже, импровизированное возвращение Глории к стойке регистрации действительно разоблачило «хвост».

Мужчина в шляпе покинул отель, и точка съемки переместилась на улицу, на тротуар, где на выходе перед Глорией остановился черный лимузин, совсем как мой.

Она открыла дверцу и забралась на заднее сиденье. Рванув, автомобиль вылетел из кадра. Мужчина в шляпе пересек дорожку перед отелем и, не поднимая головы, тоже вышел из зоны обзора, так и не предоставив возможность разглядеть хотя бы кончик носа.

Запись закончилась, но все долго молчали, прокручивая ее в голове.

– Ну как? – наконец подал голос Сиско.

– Итак, за ней следили, – ответил я. – Про того парня ты в отеле поспрашивал?

– Поспрашивал, он там не работает. В ту ночь у них не работали охранники под прикрытием.

Я кивнул и еще раз прокрутил в голове увиденное.

– Она пришла одна. Значит, он уже был внутри?

– Его я тоже малость прищучил, – сообщил Сиско.

Развернув к себе ноутбук, он еще что-то набрал, и появилась вторая видеозапись. Повернув экран снова к нам, Сиско нажал кнопку воспроизведения и стал комментировать.

– Так, вот он, сидит в вестибюле в девять тридцать. Пришел раньше Глории. И сидел, пока она не появилась. У меня есть параллельные записи.

Он одновременно запустил две видеозаписи и снова показал нам экран. Изображения с разных камер были синхронизированы по времени. Мы могли наблюдать, как Глория пересекает фойе, а мужчина в шляпе за ней следит: шляпа разворачивалась по мере того, как женщина шла к другому концу зала. Затем он подождал, пока она не спустилась с девятого этажа, а после ее внезапной задержки у стойки регистрации проследовал за ней на улицу.

Показ завершился, и Сиско закрыл крышку ноутбука.

– И кто он такой? – спросил я.

Сиско развел руками, продемонстрировав размах крыльев примерно в семь футов.

– Могу сказать только, что на отель он не работает.

Вскочив, я стал расхаживать вдоль стола. Энергия забила ключом. Мужчина в шляпе был загадкой, а загадки всегда играют на стороне защиты. Загадки – всегда знаки вопроса, которые ведут к обоснованным сомнениям.

– Полиция уже заезжала в отель? – спросил я.

– Из-за событий прошлой ночи – нет, – ответил Сиско. – Очевидно, их не заботит, чем жертва занималась перед смертью.

Я покачал головой. Полицию недооценивать глупо.

– Не бойся, они обязательно заедут.

– А может, этот тип работал на Глорию? – внесла предложение Дженнифер. – Ну, каким-нибудь охранником?

Я кивнул:

– Хороший вопрос. Я задам его клиенту, когда встречу с ним перед первой явкой в суд. А еще поинтересуюсь лимузином, который подобрал Глорию. Посмотрим, вдруг у нее был постоянный водитель. Но что-то в этой... в этой записи не согласуется. Не согласуется с версией, что парень на нее работал. Похоже, опасаясь камер, он не снимал шляпу и не поднимал головы. Не хотел, чтобы увидели лицо.

– И он уже сидел там заранее, – добавил Сиско. – Подждал.

– Словно знал, что она поднимется вверх, а потом спустится вниз, – поддержала Лорна. – Он знал, что в номере никого нет.

Я перестал прохаживаться и ткнул пальцем в закрытый ноутбук Сиско.

– А не он ли тот самый парень, Дэниел Прайс? Нужно установить его личность.

– А можно мне слегка вмешаться? – спросила Дженнифер.

Я кивнул, предоставляя ей слово.

– Пока мы не кинулись с высунутым языком разыскивать загадочного мужчину в шляпе, стоит вспомнить: наш клиент признал в полиции, что находился с жертвой в ее квартире. И это было уже после того, как этот парень за ней следил. А еще он сообщил, что поссорился с Глорией и схватил ее за горло. Так, может, стоит больше волноваться о том, что Лакосс сделал, когда был на месте преступления, чем о том, что произошло до того, как клиент попал в квартиру?

– Важна любая мелочь, – ответил я. – Проверить следует все. Нужно разыскать того парня и посмотреть, чем он занимался. Сиско, ты можешь слегка расширить зону поиска? Отель стоит прямо в конце Родео-драйв. Там должны быть еще камеры. Вдруг получится отследить парня до машины и разглядеть номер. Пока след не остыл окончательно.

Сиско кивнул:

– Уже бегу.

Я посмотрел на часы. Нужно было выдвигаться в сторону центра, меня ждал суд.

– Ладно, что-нибудь еще?

Никто не ответил, потом Лорна робко подняла руку.

– Да, что у тебя?

– Просто хочу напомнить: сегодня в два у тебя досудебное слушание в тридцатом отделе по поводу Рэмси.

У меня вырвался стон. Еще одной звездной клиентке, Дейдре Рэмси, вменялось пособничество и подстрекательство к разнообразным преступлениям. Это было одно из самых причудливых дел, которые за долгие годы могли встретиться на моем пути – как и на пути любого другого адвоката. Впервые она привлекла общественное внимание годом раньше как анонимная жертва ужасного изнасилования, которое случилось во время ограбления ночного магазина. В первых отчетах фигурировало, что двое хорошо вооруженных мужчин в масках ворвались в магазин, где находились два сотрудника и четыре покупателя, в числе которых была двадцатилетняя женщина. Покупателей и работников магазина

загнали в складское помещение и заперли, пока вооруженные бандиты ломом вскрывали сейф с наличкой. Потом бандиты вернулись на склад и приказали всем пленникам отдать бумажники, драгоценности и снять всю одежду. И пока один стоял, охраняя заложников, второй на глазах у всех изнасиловал Рэмси.

Затем грабители сбежали из магазина, прихватив, в придачу к личным пожиткам пострадавших, в общей сложности 280 долларов и две коробки конфет. Несколько месяцев это преступление не могли раскрыть. Городской совет назначил награду в 25 тысяч долларов за информацию, ведущую к поимке подозреваемых, а Рэмси выдвинула против корпорации, которой принадлежал магазин, обвинение в халатности, – мол, компания не обеспечила надлежащую защиту своих клиентов. Совет директоров корпорации в Далласе решил урегулировать это дело без суда, выплатив Рэмси 250 тысяч долларов за ее злключения. Они совсем не хотели, чтобы Рэмси дала показания о своем суровом испытании перед присяжными.

Но деньги великолепно умеют разрушать отношения. Спустя две недели после того, как Рэмси исчезла с деньгами, следователи получили звонок от женщины, которая поинтересовалась, можно ли еще получить награду городского совета. Получив положительный ответ, она рассказала поразительную историю. Она сообщила, что истинной целью того ограбления были 250 тысяч долларов и что насильник-грабитель – на самом деле парень Рэмси, Тариг Андервуд. Само изнасилование было частью детально разработанной и согласованной аферы, а план, как разбогатеть, состряпала сама Рэмси.

Звонившая оказалась лучшей подружкой Рэмси. Довольно завистливой.

По решению суда установили прослушку, и довольно скоро и Рэмси, и ее парень, и их сообщник по ограблению были арестованы. Офис государственного защитника взял на себя защиту Андервуда, поэтому, благодаря конфликту интересов, Рэмси досталась мне. Работа была малоприбыльной и малоперспективной, но Рэмси отказалась идти на сделку. Она хотела довести дело до суда, и мне оставалось лишь ей помогать. Развязка нас ожидала весьма безрадостная.

Когда напоминают о подобных брешах, я теряю кураж. И мои стенания не остались незамеченными.

– Давай перенесем? – предложила Лорна.

Я об этом тоже подумал. Искушение было.

– Хочешь, я займусь? – предложила Дженнифер.

Да она взяла бы любое уголовное дело, которое я бы ей дал!

– Нет, Дженнифер, там дело – дрянь. Нельзя тебя так подставлять. Давай посмотрим, чем ты можешь помочь. Сегодня хочу увидаться с Лакоссом, если выйдет.

Кто-то еще тянулся за последним пончиком, а кто-то уже направлялся к выходу.

– Все, поехали. Задания у всех есть, что делать – знаете, – сказал я. – Остаетесь на связи и сообщаете мне все, что найдете.

Я налил себе еще чашечку кофе и вышел на улицу последним. Эрл с машиной ждал на задней стоянке. Я попросил ехать в центр к зданию суда и держаться подальше от скоростных автострад. Хотелось добраться вовремя, чтобы поговорить с Андре Лакоссом до того, как его вызовут к судье.

7

Через пятнадцать минут моему клиенту предстояло в первый раз попасть в зал суда. Он был в переполненной камере, и мне пришлось очень близко прильнуть к решетке и шептать, чтобы другие заключенные нас не расслышали.

– Андре, времени в обрез. Через несколько минут вы предстанете перед судьей. Все пройдет быстро и просто, вам зачитают обвинения и назначат дату, когда официально их предъявят.

– А я разве не должен сказать, что не признаю себя виновным?

– Не сейчас. Сегодняшняя процедура лишь формальность. После того как производят арест, есть только сорок восемь часов, чтобы предъявить обвинение и дать делу ход.

– А как же освобождение под залог?

– Вы залог не потянете – если только у вас дома не лежит гора таких же слитков, как вы прислали нам. Напоминаю: вас обвиняют в убийстве. Размер поручительства, конечно, озвучат, но, по самым скромным подсчетам, он составит два миллиона, может, два с половиной. У вас хватит золота?

Он сник и вжался лбом в разделяющую нас решетку.

– Я здесь не выдержу.

– Понимаю, но сейчас выбора нет.

– Вы говорили, что можете перевести меня в другой блок.

– Конечно. Только скажите, и я выбью для вас спецстатус.

– Давайте. Не хочу туда возвращаться.

Я наклонился к нему еще ближе и прошептал:

– Прошлой ночью с вами что-то произошло?

– Нет, но вокруг одни звери. Не хочу здесь находиться.

Я не стал сообщать, что неважно, в какой блок тюремного комплекса его поместят. Ему все равно не понравится. Там везде звери.

– Я подниму этот вопрос в разговоре с судьей. А сейчас хотел уточнить пару моментов перед тем, как мы войдем внутрь. Не против?

– Давайте. Золото получили?

– Да, получили. Больше, чем мы просили, но оно все пойдет на оплату вашей защиты, а если не понадобится, то оставшееся мы вам вернем. Квитанцию я принес, хотя вряд ли вы захотите в тюрьме таскать с собой бумажку, свидетельствующую, что у вас куча денег.

– Вы правы. Придержите пока у себя.

– Хорошо. А теперь к вопросам. У Жизель была охрана?

Андре потряс головой, словно был не уверен.

– У нее стояла какая-то сигнализация, но не знаю, пользовалась она ею или нет, и я...

– Нет, меня интересуют люди. Может, у нее был какой-то телохранитель, который обеспечивал ее безопасность, когда она находилась на вызове... или на работе, как там вы говорите?

– Нет, во всяком случае, я не в курсе. У нее был водитель, она ему звонила, если возникали проблемы, но обычно он оставался в машине.

– Следующий вопрос как раз про водителя. Кто он и как можно с ним связаться?

– Ее друг, зовут Макс. Днем у него другая работа, а по ночам он возил Жизель. Она в основном по ночам-то и работала.

– Просто Макс?

– Фамилии я не знаю. Я даже никогда его не видел. Просто она иногда про него упоминала. Говорила, что он ее «боец».

– К клиентам он с ней вместе не заходил?

– Насколько мне известно, нет.

Я заметил, что над левым плечом моего клиента завис какой-то заключенный, пытаюсь подслушать наш разговор.

– Давайте переместимся, – предложил я.

И мы переместились к решетке по другую сторону камеры, оставив позади себя любопытные уши.

– Итак, – продолжил я, – расскажите про телефонный звонок в отель, которым вы хотели проверить клиента новоиспеченной Джулии Робертс. Как все так вышло? – И бросив взгляд на часы, добавил: – Только побыстрее.

– Ну, мы связались через сайт. Обговорили цены и...

– По электронной почте?

– Нет, он позвонил. Из отеля. Номер высветился на определителе.

– Понятно, дальше. Он позвонил из отеля. Что потом?

– Я назвал цену, он согласился, и мы договорились на девять тридцать в тот же вечер. Он сообщил номер комнаты, а я сказал, что сейчас ему перезвоню, для подтверждения. Он был не против, и я перезвонил.

– То есть вы позвонили в отель и попросили соединить с номером восемьсот тридцать семь?

– Вот именно. И меня соединили. Трубку поднял тот же парень, и я сказал ему, что Жизель придет в девять тридцать.

– Понятно. А вы раньше не имели дела с этим парнем?

– Никогда.

– Как он заплатил?

– Так он и не заплатил. Поэтому я с Жизель и сцепился. Она сказала, что в номере никого не оказалось, а на стойке регистрации сообщили, что парень выехал еще днем. Но я-то знал, что это все брехня, потому что говорил с ним, и он был в номере.

– Ясно. С ним вы обсуждали способ оплаты? Ну, знаете, наличка или карта?

– Конечно, он обещал заплатить налом. Поэтому я и поехал к Жизель, хотел получить свою долю. Если бы парень расплатился кредиткой, я бы осуществил перевод и сразу снял свою долю. Но он хотел расплатиться живыми деньгами, и я решил забрать их до того, как Жизель все потратит.

Я потихоньку стал разбираться, чем конкретно занимался Лакосс.

– Это было для вас обычной практикой?

– Да.

– Стандартный порядок.

– Да, все как обычно.

– А вы не узнали голос этого парня? Может, он был вашим клиентом раньше?

– И голос был незнаком, и сам он сказал, что звонит впервые. А к чему эти вопросы?

– Может, и ни к чему, а может, куда и приведут. Как часто вы связывались с Жизель?

Лакосс пожал плечами:

– Каждый день переписывались. Когда требовалось срочно получить ответ, я звонил ей на мобильник. В неделю пару раз, наверное, созванивались.

– А как часто виделись?

– Один или два раза в неделю. Когда клиент платил налом. Встречались за кофе или за завтраком, и я забирал свою долю.

– Она вас никогда не обманывала?

– Прецеденты бывали.

– В смысле?

– Чем дольше у нее оставалась моя доля, тем выше была вероятность, что она ее потратит.

Арестованных, у которых только что была первая явка в суд, вывели из зала и поместили в другую камеру. Скоро должна была настать очередь Лакосса.

– Понятно. Так, минуточку.

Я наклонился и открыл на кафельном полу свой портфель. Вытащил ручку и документ, который необходимо было подписать, и снова поднялся.

– Андре, это отказ от личного интереса, порождающего «конфликт интересов». Если хотите, чтобы я представлял вас в суде, его нужно подписать. Этим документом вы признаете, что понимаете: жертва, в убийстве которой вас обвиняют, была моей бывшей клиенткой. И в дальнейшем вы не станете предъявлять претензии относительно того, что, представляя вас, я злоупотреблял своим служебным положением. Быстрее подписывайте, пока не заметили у вас в руках ручку.

Я просунул документ и ручку сквозь прутья решетки, и он все подписал.

– А кто такая эта Глория Дейтон?

– Настоящее имя Жизель.

Я нагнулся, чтобы положить документ обратно в портфель.

– Еще кое-что, – сказал я, разгибаясь. – Вчера вы мне сказали, что свяжетесь с клиенткой, которая поручилась за Жизель, когда та обратилась к вам. Вам это удалось? Мне нужно с ней поговорить.

– Да, и она согласилась. Можете ей позвонить. Ее зовут Стейси Кэмпбелл. Как компания, производящая суп.

Он продиктовал номер, и я записал его на ладони.

– Вы помните ее номер наизусть? Люди в наши дни обычно не держат номера в голове, ведь они есть в записной книжке мобильного.

– Если бы я хранил номера телефонов в своем мобильном, они уже все были бы в распоряжении полиции. Мы часто меняем и телефоны, и номера, и я полагаюсь только на свою память. Единственное безопасное место.

Я кивнул:

– Ладно, все обсудили. Теперь пойдем и побеседуем с судьей.

Я полез в карман пальто, вытащил небольшую стопку визиток и просунул ему через решетку.

– Положите их там на скамейку.

– Вы издеваетесь? – недоуменно спросил Лакосс.

– Нисколько. Люди всегда хотят, чтобы их интересы представляли на хорошем уровне. А сейчас они выйдут и встретят заместителя государственного защитника, который ведет их дело наравне с еще примерно тремя сотнями других.

– Хорошо.

– И помните, там, внутри, своего адвоката можете обсуждать с кем угодно, но о деле никому ни слова. Ни единой душой, иначе вам еще аукнется. Уж поверьте.

– Понятно.

– Ну и отлично.

Суд – это место, где рыбу, пойманную в сети, поставляют на рынок. Я вышел из комнаты, где располагалась камера, и попал прямо в трясину, кишашую адвокатами, прокурорами, следователями и кучей рядовых сотрудников. Все двигались в неотрепетированном танце под председательством судьи Мэри Элизабет Мерсер.

Она должна была соблюсти конституционную гарантию: без промедлений доставить обвиняемых в суд, проинформировать, что именно им вменяется, и назначить адвоката, если они не заключили такового соглашения самостоятельно. На деле выходило, что перед нача-

лом длинного и обычно мучительного путешествия по системе, люди лишь на несколько минут представляли перед судьей.

Огромные столы адвокатов в суде первой явки напоминали столы для совета директоров. За ними одновременно могли уместиться сразу несколько защитников, которые готовились к делу и ждали, пока вызовут их клиентов. Но еще больше адвокатов топтались рядом с ограждением слева от судьи, куда из конвойного помещения приводили подсудимых в группах по шесть человек. Эти адвокаты будут стоять рядом с клиентами, когда тем зачитают обвинения и когда будут назначать график слушаний, на которых обвиняемые официально смогут заявить о своей невиновности. Для человека несведущего – а в их число входили и обвиняемые, и их семьи, заполнившие деревянные скамейки зала суда – сложно было следить за ходом процесса, сложно понимать, что происходит. Они знали лишь одно: так работает судебная система, и сейчас она берет их жизнь в свои руки.

Я подошел к столу судебного пристава, где в папке лежал список арестованных, согласно которому шла очередность вызовов. Судебный пристав уже вычеркнул первые тридцать имен. Судья Мерсер ударно отрабатывала утреннюю смену. Фамилия Лакосс стояла под номером тридцать восемь. Это давало мне время, чтобы найти местечко, сесть и немного подумать. Все девять мест за адвокатским столом оказались заняты. Я пробежал глазами ряд стульев вдоль перил, отделяющих скамейки от рабочей зоны суда, и заметил один свободный. По дороге я узнал человека, рядом с которым и оказалось то свободное место. Но это был не адвокат. Это был полицейский. Предыстория моих отношений с ним случайно всплыла на нашем утреннем совещании.

Он тоже меня узнал и скривился, когда я сел рядом.

Чтобы не привлекать внимание судьи, мы заговорили шепотом:

– Так, так, так, уж не Микки ли это Маус, собственной персоной, великий судебный оратор и защитник гадов.

Я сделал вид, что не заметил этих полицейских приколов. Привык.

– Детектив Лэнкфорд! Давно не виделись.

Ли Лэнкфорд служил в убийном отделе полиции Глендейла и расследовал убийство моего бывшего сыщика Рауля Левина. Причин для его гримас, оскорблений и разногласий, которые еще, видимо, существовали между нами, было множество. Лэнкфорд, похоже, по природе ненавидел всех адвокатов. Потом возник небольшой камень преткновения, когда он по ошибке обвинил меня в убийстве Левина. А то, что я в итоге доказал его неправоту, распутав дело, тоже не улучшило наших взаимоотношений.

– Далековато ты забрался, – заметил я. – Разве вы, парни, не должны предъявлять обвинения в суде Глендейла?

– А ты, как всегда, Холлер, отстаешь от жизни. Я там больше не работаю. Ушел в отставку.

Я кивнул, словно считал это хорошей новостью, потом улыбнулся:

– Только не говори, что примкнул к противнику. Ты что, работаешь на кого-то из защиты?

Лэнкфорд всем своим видом продемонстрировал отвращение.

– Да ни за какие коврижки я не стану пахать на таких лицемеров, как вы. Я работаю на окружного прокурора. Кстати, за большим столом только что освободилось местечко. Почему бы тебе не присоединиться к себе подобным?

Лэнкфорд не изменился за те семь лет, что мы не виделись. Мне даже понравилось над ним подтрунивать:

– Спасибо, мне и здесь неплохо.

– Отлично.

– А как детектив Собел? Она еще работает?

В те времена я общался именно с напарницей Лэнкфорда.

– Еще в строю и неплохо справляется. Ну-ка скажи, который из этих милых и честных граждан, которых притащили в наручниках, сегодня твой клиент?

– Мой – в следующей партии. И кстати, его точно оправдают. Сутенер, которого обвиняют в убийстве одной из девочек. Очень трогательная история.

Лэнкфорд слегка откинулся в кресле, и я понял, что он удивлен.

– Неужели Лакосс?

– Именно, – кивнул я. – Твое дело?

На его лице появилась презрительная усмешка.

– Так точно. Какое удовольствие!..

Следователи окружного прокурора выполняли вспомогательные функции. Основными действующими лицами оставались детективы полиции, которые вели дело с момента совершения преступления. Но когда дело превращалось в папку с документами и передавалось из полиции в прокуратуру, вступали следователи окружного прокурора и помогали подготовиться непосредственно к процессу. В их обязанности входило разместить свидетелей, доставить их в зал суда, реагировать на интриги стороны защиты и свидетелей и тому подобная чепуха. Полный ассортимент второстепенных обязанностей. То есть их работа – быть готовыми делать то, что нужно делать в преддверии судебного разбирательства.

Как правило, в следователи окружного прокурора шли вышедшие в отставку копы. По сути, они получали двойной доход из казны: пенсию от управления и зарплату от окружного прокурора. Отличная работенка, если сумеешь ее получить. Но меня поразило то, что обвиняемый еще даже не предстал перед судьей, а Лэнкфорд уже был в деле и присутствовал в зале суда.

– Что-то не пойму, – начал я. – Его только вчера зарегистрировали, а тебя уже назначили на дело?

– Я работаю в отделе убийств. У нас очередность. Это дело – мое, и я просто хотел взглянуть на парня. Теперь, узнав, кто его защищает, я все понял.

Лэнкфорд встал и посмотрел на меня сверху вниз. Выглядел он не очень, но, вероятно, никто ему об этом не говорил в страхе навлечь на себя его гнев.

– Будет весело, – сказал он и повернулся.

– Ты не собираешься дожидаться его очереди?

Лэнкфорд молча прошел через ворота и направился по центральному проходу к задней двери. Я смотрел ему вслед, затем какое-то время сидел неподвижно, размышляя о лишнем осложнении. Теперь нужно учитывать, что работающий на прокурора следователь спит и видит, как бы надрать мне зад. Такое начало хорошим не назовешь.

В руке завибрировал телефон, я прочитал сообщение. Писала Лорна, и, видимо, для компенсации эпизода с Лэнкфордом, новость оказалась приятной.

Золото настоящее! Большие 52 кусков положили на счет в банке.

Мы были в деле. По крайней мере, мне точно заплатят.

Вдруг передо мной возникла чья-то тень, и, подняв голову, я увидел одного из охранников.

– Это вы Холлер?

– Да, я. А что собственно...

Он высыпал на меня пачку визиток. Моих собственных. Тех, что я отдал Лакоссу.

– Еще раз отколешь такой номер и можешь забыть о встречах со своими клиентами-подонками. По крайней мере, в мою смену.

Я почувствовал, как лицо заливают краска. За нами наблюдали несколько адвокатов. Хорошо хоть Лэнкфорд пропустил такое шоу.

– Все ясно? – спросил охранник.

– Яснее не бывает.

– Отлично.

Он отошел в сторону, а я стал подбирать визитки. Шоу закончилось. Адвокаты вернулись к своим делам.

8

На этот раз, когда я вышел из суда, у обочины притулился одинокий «линкольн», все остальные уже свалили на ленч. Сев на заднее сиденье, я велел Эрлу ехать в сторону Голливуда. Я понятия не имел, где жила Стейси Кэмпбелл; скорее всего не в центре. Вытащив телефон, я набрал записанный на руке номер. Мне сразу ответил поставленный голос, в котором сквозили нежность, сексуальность и все остальное, что, по моему разумению, хочется слышать в голосе проститутки.

– Привет, вы позвонили Мечтательной Стейси.

– Это Стейси Кэмпбелл?

Нежность и сексуальность вмиг улетучились, им на смену пришел бескомпромиссный тон с примесью сигаретной хрипотцы:

– Кто говорит?

– Майкл Холлер, адвокат Андре Лакосса. По его словам, вы согласились переговорить со мной насчет Жизель Деллинджер.

– На самом деле мне совсем не улыбается, если меня потащат в суд.

– Я и не собирался. Просто хочу пообщаться с человеком, кто знал Жизель и может о ней рассказать.

Повисла тишина.

– Мисс Кэмпбелл, я мог бы заехать к вам или встретиться где-то еще.

– Давайте не у меня. Чужаки мне здесь ни к чему.

– Хорошо. Вы сейчас свободны?

– Только переоденусь и поменяю волосы.

– Тогда скажите: когда и где?

Снова повисло молчание. Я уже собирался сказать, что не стоит ради меня менять волосы, как она заговорила.

– Пусть будут гренки.

Было десять минут первого; при такой профессии, возможно, она только что встала.

– Ладно, как скажете. Пытаюсь вспомнить, куда мы могли бы сходить позавтракать.

– Позавтракать? Нет, вы не поняли. «Гренки» – это название кафе на Третьей возле Кресент-Хайтс.

– Ясно. В час дня подойдет?

– Подойдет.

– Тогда я займу столик и буду ждать.

Закончив разговор, я сообщил Эрлу, куда мы едем, а потом позвонил Лорне, чтобы разузнать, удалось ли ей отложить мою встречу с судьей.

– Номер не пройдет, – сообщила она. – Патриция сказала, что судья намерен вычеркнуть это дело из списка. Больше никаких отсрочек, Микки. В два он хочет видеть тебя в кабинете.

Патриция работала секретарем у судьи Компаньони, по сути, заведовала слушаниями и календарем. Когда она сообщила, что судья хочет ускорить дело, на самом деле этого хотела она. Она просто устала от постоянных отсрочек, о которых я просил, пока пытался убедить клиентку пойти на сделку, предложенную окружным прокурором. Я на минуту задумался. Даже если Стейси Кэмпбелл объявится вовремя – на что не стоит серьезно рассчитывать, – вряд ли получится выудить из нее нужные сведения и вернуться в зал суда, располагавшийся в центре города, к двум часам. Можно было, конечно, отменить встречу в «Гренках», однако мной полностью завладели тайны Глории Дейтон, ее побудительные мотивы. Я хотел раз-

узнать секреты, которые скрывались за обманом. И переключаться на другое дело в планы не входило.

- Ладно, позвоню Баллокс, спрошу, готова ли она меня прикрыть.
- А что так? Ты еще в суде?
- Нет. Еду в Западный Голливуд по делу Дейтон.
- Ты хотел сказать: по делу Лакосса?
- Ну да.
- А Западный Голливуд подождать не может?
- Нет, Лорна, не может.
- Она по-прежнему держит тебя на крючке? Даже после смерти...
- Просто хочу понять, что случилось. А сейчас мне нужно дозвониться Баллокс. Поговорим позже.

И пока мне не стали читать нотацию по поводу эмоциональной вовлеченности в работу, я отключился. Лорна всегда была против моих отношений с Глорией и не могла понять, что сексом там и не пахло. Что я не заиклился на проститутке. Что я просто нашел кого-то, с кем одинаково смотрел на мир. По крайней мере, я в это верил.

Я позвонил Дженнифер Аронсон, и она мне сказала, что работает в библиотеке в Юго-западной юридической школе, просматривает папки с делами Глории Дейтон, которые я вручил ей утром.

– Листаю дела, одно за другим, пытаюсь с ними ознакомиться. Конечно, если не нужно искать что-то определенное.

– Нет, ничего определенного, – подтвердил я. – Ты нашла какие-нибудь записи по Гектору Арранде Мойя?

– Ничего нет. Удивительно: семь лет прошло, а ты помнишь его имя.

– Имена я помню, помню некоторые дела, хуже с днями рождения и годовщинами. Всегда из-за этого проблемы. Нужно проверить статус Мойи и...

– Я это сделала первым делом. Начала с онлайн-архивов «Лос-Анджелес таймс» и обнаружила пару заметок по этому делу. Его передали на федеральный уровень. Ты сказал, что вышел на сделку с офисом окружного прокурора, но, очевидно, ФБР забрало дело себе.

Я кивнул. Чем больше я говорил о деле, тем больше вспоминал.

– Точно, был федеральный ордер. Окружной прокурор, наверное, рвал и метал, потому что на Мойю имелись соответствующие документы, дающие ФБР приоритетное право.

– И молоток побольше. Помимо наркотиков ему вменяли хранение оружия, что позволяло дать пожизненное. Как в итоге и вышло.

Это я тоже вспомнил: парня упекли пожизненно за то, что у него в номере отеля обнаружили пару унций кокса.

– Полагаю, подавали апелляцию. Ты проверила по базе данных?

В федеральной правительственной базе данных, где в открытом доступе хранились электронные протоколы судов. Она обеспечивала быстрый доступ ко всем документам, зарегистрированным в отношении какого-либо дела. Плясать надо было отсюда.

– Да, я начала с базы и получила выписку решения суда. Его осудили в шестом году. Потом они подали апелляции – все стандартно, – ссылаясь на недостаточные доказательства, ошибки суда по ходатайствам и необоснованный приговор. Ни одно не проходило через Пасадену. Теперь на очереди Постоянная палата третейского суда.

Она намекала на Апелляционный суд девятого округа. В Южной Калифорнии он располагался на Саут-Гранд-авеню в Пасадене. Апелляции по делам из Лос-Анджелеса подают в здание суда в Пасадене, и сначала рассматриваются местной коллегией арбитров апелляционного суда в составе трех человек. Местная коллегия отсеивает одни, которые считает недостойными, а другие передает на рассмотрение другой коллегии, состоящей из трех судей.

Слова Аронсон о том, что дело Мойи не попадало в Пасадену, означало, что его вина была подтверждена *per curiam*, то есть решением коллегии судей. Мойя попробовал, но потерпел фиаско.

Следующим шагом он должен был подать прошение о выдаче постановления «хабеас корпус» в окружной суд США в попытке добиться судебной защиты после осуждения и аннулировать приговор. Трудноосуществимый план, все равно что в конце игры забросить трехочковый. Такое ходатайство стало бы его последней попыткой добиться нового слушания, если только не нашлись бы дополнительные улики.

– Ну, так как прошло двадцать два пятьдесят пять? – поинтересовался я, используя код США, обозначающий прошение о выдаче постановления «хабеас корпус».

– Понимаешь, – сказала Аронсон, – ему не очень повезло с адвокатом: тот заявил, что парень никогда не признавал своей вины. На том и погорел.

– Кто защищал его в суде?

– Некий Дэниел Дейли. Знаешь такого?

– Да, знаю, но он из федеральной системы, а я стараюсь с ними не связываться. Не видел его в работе, однако, по слухам, он свое дело знает.

Если честно, я был знаком с Дейли по бару «Четыре зеленых поля», куда мы оба заскакивали по пятницам, чтобы выпить martinis за конец недели.

– Знаешь, там трудно было что-то изменить, – сказала Дженнифер. – Он сел. Уже отбыл семь лет из пожизненного.

– Где сидит?

– В Викторвилле.

Федеральная тюрьма в Викторвилле располагалась в восьмидесяти милях севернее города на границе с базой ВВС. Не самое лучшее место, чтобы провести остаток жизни. Поговаривали, что если не иссушат и не сдуют ветра пустыни, то постоянные акустические удары реактивных самолетов над головой уж точно сведут с ума.

– Подозреваю, что ребята из ФБР не зря едят свой хлеб, – добавила Дженнифер.

– То есть?

– Понимаешь, пожизненное за пару унций кокаина. Довольно сурово.

– Да, они суровы, когда речь идет о вынесении приговора. Поэтому я и не работаю в федеральных судах. Не люблю говорить клиентам, что все их надежды тщетны. Не люблю готовить сделку со стороной обвинения только для того, чтобы судья не учел этот факт и все равно осудил моего клиента.

– А так бывает?

– Слишком часто. Вот как-то раз у меня был клиент... Ладно, не бери в голову. Это уже в прошлом.

А вот каким образом гладко проведенная в интересах клиента сделка в конечном счете уpekла Гектора Арранде Мойя пожизненно в Викторвилл – вот где покопаться бы стоило.

Я не удосужился проследить за делом после того, как заключил сделку с Лесли Фэром, заместителем окружного прокурора. Рутинная, очередной день на каторжных работах. Быстренько договорились в зале суда: название отеля и номер комнаты взамен на отсрочку обвинений в адрес моей клиентки. Глория Дейтон вместо тюрьмы поехала лечиться от наркозависимости, а Гектор Арранде Мойя навечно отправился в федеральную тюрьму. И даже не знал, кто стукнул властям. Или знал?

Уже семь лет прошло. Чтобы Мойя из федеральной тюрьмы добрался и отомстил Глории Дейтон? Это казалось за гранью возможного. И все равно сама идея могла оказаться полезной при построении защиты Андре Лакосса. Моя задача – заставить присяжных усомниться в предъявленном обвинении. Заставить хотя бы одного из богов вины подумать

своей головой: «Эй, постойте-ка, а как же парень в пустыне, который гниет в тюрьме из-за этой женщины? А вдруг...»

– Тебе не встречались протоколы ходатайства о выставлении свидетеля или ходатайства об исключении, основанные на отсутствии достаточных оснований?

– Да, это было частью первой апелляции по поводу судебной ошибки. Судья отказал в ходатайстве о представлении тайного осведомителя по делу.

– Ага, выживали информацию. Тайный осведомитель был только один – Глория. А засекреченная информация в выписке решения суда? Было такое?

Судьи обычно скрывают записи, связанные с тайными осведомителями, но на сами документы в базе данных часто дается ссылка в виде номера или шифра, и по крайней мере можно понять, что эти записи в принципе существовали.

– Нет, – ответила Дженнифер. – Встретила только ППД.

Предприговорный доклад по делу Мойи. Их тоже всегда засекречивают. Я призадумался.

– Надо посмотреть на копию этой битвы по поводу тайных осведомителей и достаточного основания. Тебе придется наведаться в Пасадену и добыть бумажные файлы. Кто знает, вдруг нам повезет, и там обнаружится нечто, что нам пригодится. Управление по борьбе с наркотиками и ФБР должны были в какой-то момент дать показания о том, как они попали в тот отель и в ту комнату.

– Думаешь, кто-то выдал имя Глории?

– Это было бы слишком просто и слишком легкомысленно. Но если там есть упоминание конкретного тайного информатора, будет от чего отталкиваться. И еще запроси предприговорный доклад. Может, спустя семь лет они позволят на него взглянуть.

– Вряд ли. Эти данные должны быть засекречены всегда.

– За спрос не ударят в нос.

– Ладно, тогда я прямо сейчас двинусь в Пасадену. А к папкам по Глории вернусь позже.

– Нет, Пасадена подождет. Отправляйся лучше в центр. Готова заменить меня на деле Дейдры Рэмси?

– Еще бы!

Она почти выпрыгнула из трубки.

– Сбавь обороты, – мгновенно посоветовал я. – Учти, дело – дрянь. Главное, упрости судью проявить терпение и дать немного времени. Мол, мы понимаем, что это дело ЗПП, и почти внушили Дейдре, что в ее интересах принять предложение штата. Ты должна убедить прокурора Шелли Алберт придержать предложение еще на пару недель. Вот и все, просто выбей еще пару недель, ладно?

Рэмси предложили согласиться на обвинение в пособничестве и подстрекательстве, но дать показания против своего парня и его партнера по ограблению. Взамен она получит от трех до пяти. Учитывая выигранное время и уже отбытый срок, через год она бы вышла.

– Ничего, справлюсь, – заявила Дженнифер. – Но, видимо, я прослушала, при чем тут сифилис.

– Что?

– Сифилис. Ты сказал, что это дело ЗПП. То есть касается заболевания, передающегося половым путем?

Улыбнувшись, я выглянул в окно. Мы курсировали по району Хэнкок-Парк. Большие особняки, огромные лужайки, высокие живые изгороди.

– Дженнифер, я совсем не это имел в виду. ЗПП – условное обозначение со времен, когда я работал государственным защитником. Означает «Заранее Провести Переговоры».

Двадцать лет назад мы так различали судебные дела. ЗПП и ЗПС – Заранее Провести Переговоры и Заранее Подготовиться к Суду.

– А, понятно. Даже неловко – я не знала...

– Представь, как бы ты себя чувствовала, если бы заявила судье Компаньони, что в деле фигурирует сифилис.

Мы рассмеялись. Дженнифер обладала одним из самых выдающихся умов среди знакомых мне юристов, однако практического опыта она только набиралась, изучала стандартный порядок и язык уголовно-процессуальной рутины. Если она выдюжит, то в конечном итоге станет для обвинения страшнейшим ночным кошмаром.

– И еще, – сказал я, возвращаясь к делам. – Постарайся войти в кабинет раньше Шелли и занять место слева от судьи.

– Хорошо, – сказала она нерешительно. – А зачем?

– Это связано с работой полушарий – ну, знаешь, правое-левое... Люди больше расположены к тем, кто слева.

– Да ладно!

– Я серьезно. Всякий раз, выступая перед присяжными с заключительным словом, я беру по возможности вправо. И для большинства из них оказываюсь слева.

– Бред какой-то.

– А ты попробуй. Сама увидишь.

– Не верю.

– Я тебе говорю. Проводили научные исследования, тесты. Да погугли!

– Времени нет. Что еще?

– Если почувствуешь, что судья к тебе расположен, объясни, что можно побыстрее покончить с этим делом: пусть Шелли исключит из сделки пункт о сотрудничестве. Если Дейрдре не придется свидетельствовать против своего парня, думаю, все получится. Мы согласны на условия по приговору, просто без сотрудничества. Втолкуй, что Шелли, собственно, это не надо. У нее есть данные прослушки по всем трем преступникам. И ДНК, взятое у Рэмси после изнасилования, совпадает с ДНК ее парня. Дело выгорит даже без показаний Дейрдры. Прокурору они не нужны.

– Ладно, попытаюсь. Я-то немного надеялась, что это будет моим первым судебным процессом по уголовному делу.

– Не нужно стремиться к суду – стремись выиграть дело. Пойми, в восьмидесяти процентах уголовных дел адвокаты делают все, чтобы избежать суда. А оставшиеся...

– Просто психи. Да, я поняла.

– Удачи.

– Спасибо, босс.

– Не называй меня так. Забыла, что ли, мы – коллеги.

– Ладно.

Я отложил телефон и задумался, как следует вести себя во время беседы со Стейси Кэмпбелл. За окном проплывал Фермерский рынок, мы уже почти приехали. Спустя некоторое время я заметил, что в зеркало заднего вида на меня смотрит Эрл. Так он делал, если хотел что-то сказать.

– В чем дело, Эрл? – наконец не выдержал я.

– Да, подумывал тут о том, что вы сказали по телефону. Ну, когда люди слева...

– Ну и?

– Знаете, однажды, давно, когда я просто бомбил, появился один парень с пистолетом, хотел меня ограбить.

– Да что ты говоришь?

– Понимаете, тогда кто-то бродил по округе, отстреливал ребят за наличку. Просто палил в голову и все забирал. Я подумал, что это именно тот парень и что мне хана.

– Жуть. И что случилось?

– Я его уболтал. Просто стал трепаться о своей новорожденной дочери и все такое. Отдал ему свои вещи, и он убежал. Потом по тем, другим убийствам кого-то задержали. Я увидел фотки по телевизору – это был он, парень, который меня ограбил.

– Так тебе крупно повезло.

Эрл снова поглядел на меня в зеркало.

– Что интересно: когда он подошел, то оказался от меня справа, а я у него слева. И я его уболтал. Типа того, о чем вы тут говорили. Типа он согласился оставить мою задницу при мне.

Я понимающе кивнул:

– Уж будь добр, при следующей встрече расскажи эту историю Баллокс.

– Постараюсь.

– Ладно, Эрл. Я рад, что ты его уболтал.

– Да, а уж я-то как рад. Да и моя мама с женой и дочкой тоже.

9

До заведения под названием «Гренки» я добрался рано. Сначала десять минут ждал столик, а потом минут сорок пять продолжал ждать, медленно потягивая кофе. Очередь хипстеров из Западного Голливуда не обрадовало, что я завладел желанным местом в одиночку и даже не заказал еды. Склонив голову, я читал почту. А в час тридцать, окутанная плотным шлейфом духов, объявилась Мечтательная Стейси и скользнула на стул напротив меня.

Стейси на самом деле поменяла волосы: она надела белокурый парик с голубыми бликами на кончиках. Он гармонировал с ее бледной, почти голубоватой кожей и блестящей подводкой на веках. Хипстеры, возненавидевшие меня за то, что я занял один из их столиков, теперь почти бесились. Мечтательная Стейси, словно сбежавшая с обложки альбома в стиле глэм-рок 70-х, не вписывалась в окружающую обстановку.

– Так вы – адвокат, – сказала она.

Я по-деловому улыбнулся:

– Да.

– Гленда о вас рассказывала. Говорила, что вы милый. А вот что симпатичный, не сказала.

– Кто такая Гленда?

– Жизель. Когда мы впервые встретились в Вегасе, она называла себя Чертовка Глен.

– А почему при переезде сменила имя?

– Люди меняются, – пожала Стейси плечами. – Но она оставалась все той же. Поэтому я звала ее Гленда.

– Выходит, сначала переехали из Вегаса вы, а потом она?

– Ну, как-то так. Мы не теряли связь. Она раз спросила, как тут с клиентами, ну и всякое такое. И я ей сказала, если будет желание – пусть приезжает. Она и приехала.

– И вы познакомили ее с Андре?

– Ну да, нужно было вывести ее в сеть, брать заказы.

– А как давно вы сами знаете Андре?

– Не очень давно. Вообще интересно, здесь обслуживать будут или как?

Она была права. Девушка, которая заботливо интересовалась у меня каждые пять минут, буду я что-нибудь заказывать или нет, теперь словно испарилась. Видимо, Стейси производила на людей неизгладимый эффект, особенно на женщин. Я привлек внимание помощника официанта и попросил его позвать нашу официантку.

– Как вы нашли Андре? – задал я вопрос, пока мы ждали.

– Это было несложно. Я вышла в сеть и стала просматривать сайты других девочек. На большинстве приличных он был указан как администратор. Я ему написала, мы пересеклись.

– И сколько сайтов он ведет?

– А я почему знаю? У него и спросите.

– Вы когда-нибудь слышали, что Андре проявлял насилие к женщинам, с которыми работал?

Она хихикнула:

– В смысле как настоящий сутенер?

Я кивнул.

– Нет. Если потребуется, он найдет людей, которые могут за него набить морду.

– Например, кого?

– Я имен не знаю. Но знаю, что физически он на такое не способен. Было пару раз, когда какой-то парень пытался отбить у него сделку, и ему пришлось разобраться. По крайней мере, Андре мне так рассказывал.

– То есть кто-то пытался прибрать к рукам его онлайн-бизнес?

– Да, вроде того.

– А вы не знаете, кто это был?

– Нет. Не знаю ни имен, ни подробностей. Только то, что рассказал сам Андре.

– А как насчет парней, которые делали за него грязную работенку? Их вы когда-нибудь видели?

– Видела однажды. Один клиент не хотел платить, и пока он был в душе, я позвонила Андре. Парни появились как по мановению руки. – Она прищелкнула пальцами. – Они заставили его заплатить. А то возомнил, орел, что если ведет какую-то программу на кабельном, о которой даже никто не слышал, то можно не платить. Все платят.

Наконец к столу подошла официантка. Стейси заказала сэндвич с беконом, латуком и томатами на... чем, как вы думаете? – на гренке – и диетическую колу. Я поддержал куриным салатом на круассане, а с кофе перешел на холодный чай.

– От кого пряталась Гленда? – спросил я, как только мы снова остались одни.

– Разве мы все не прячемся от кого-то или чего-то? – перевела стрелки Стейси.

– Не знаю. Так она пряталась?

– Какая-то... слишком подозрительная была, понимаете? Особенно когда вернулась.

– А что она вам рассказывала обо мне?

– Говорила, что раньше вы были ее адвокатом, но если ее арестуют, она не сможет к вам снова обратиться.

Официантка принесла нам напитки, и я подождал.

– А почему она не смогла бы ко мне обратиться?

– Почем я знаю. Наверное, тогда все бы вскрылось.

Не такого ответа я ожидал. Я думал, она скажет, что Гленда не смогла бы ко мне обратиться, потому что это разоблачило бы ее предательство.

– Вскрылось? Она так сказала?

– Ну да, так и сказала.

– И что она имела в виду?

– Понятия не имею. Просто: все может вскрыться.

Стейси явно стали раздражать мои расспросы. Я откинулся на спинку стула и задумался. Девушка оказалась не слишком полезна: сказала пару интересных фраз, но без объяснений. Видимо, я сглупил, решив, что Глория Дейтон – если ее так звали на самом деле – доверила бы свое прошлое другой проститутке.

Вся эта история меня угнетала.

Глория-Гленда-Жизель была неразрывно связана с определенной сферой. Она не смогла ее оставить, и та в итоге поставила точку.

Принесли еду, однако аппетит пропал. Я смотрел, как Мечтательная Стейси выдавливает майонез на свой сэндвич и, словно маленькая девочка, ест, облизывая пальцы.

10

Я сел на заднее сиденье и надолго задумался о положении вещей. Эрл продолжал пялиться на меня в зеркало заднего вида, ожидая, когда я соизволю сообщить ему пункт назначения. Но я и сам не знал, куда ехать, даже подумывал дождаться, когда Стейси Кэмпбелл, посетив дамскую комнату, появится из кафе, и проследить ее до дома. Впрочем, если она мне снова понадобится, Сиско легко найдет ее адрес.

Я посмотрел на часы: они показывали без четверти три. Баллокс сейчас, вероятно, в кабинете судьи Компаньони, в процессе переговоров. Лучше пока ей не звонить.

– Давай в Долину, Эрл, – наконец решил я. – Хочу понаблюдать за тренировкой.

Эрл включил зажигание, и мы тронулись. Он поехал по Лорел-каньон вверх до Мал-холланд-драйв, затем свернул на запад и после нескольких поворотов попал на стоянку парка Фрайман-каньон. Там нашел свободное местечко, открыл бардачок и, развернувшись, протянул мне бинокль. А я снял пиджак и галстук, оставил их на заднем сиденье и вышел.

– Здесь примерно полчаса, – предупредил я.

– Хорошо, подожду, – ответил он.

Фрайман-каньон опускается по северному склону национальной зоны отдыха «Горы Санта-Моника» прямо до района Студио. Я пошел по тропе Бетти Диринг, пока она не распалась на две тропинки: одна вела на запад, другая – на восток. Там-то я и сошел с нее, продираясь сквозь кусты, пока не добрался до выступа с отличным видом на раскинувшийся внизу город. Моя дочь в этом году перевелась в «Скайлайн скул»; школьный кампус тянулся от Вэллейквест-драйв до края парка. Сам кампус располагался на двух уровнях. На нижнем уровне были учебные здания, а на верхнем располагался спорткомплекс. К тому времени как я достиг места обзора, внизу полным ходом шла тренировка по футболу. Через бинокль я высмотрел в дальних воротах Хейли. Она была начинающим вратарем – явный прогресс, так как в предыдущей школе она сидела в запасе.

Я уселся на большой камень, который приволок еще в прошлый раз. Спустя какое-то время опустил бинокль, и тот повис у меня на шее, а я просто смотрел, уперев локти в колени и положив подбородок на ладони. Хейли отбила все удары, кроме одного. Этот первоклассный удар настиг ворота, ударился в перекладину, а затем был забит с подбора.

Казалось, ей весело, а сосредоточенность, необходимая в ее положении, вытеснила все другие мысли. Жаль, что мне это было не дано. Не дано так просто забыть о Сэнди и Кэти Паттерсон, да и о многом другом. Особенно по ночам, когда я закрывал глаза, чтобы уснуть. Я мог бы обратиться в суд и настоять на решении по поводу дочери, заставить судью составить порядок посещений и вынудить Хейли проводить со мной каждый второй уикенд и каждый второй четверг, как было раньше. Но я понимал, что это лишь испортит все окончательно. Провернешь такое с шестнадцатилетней, и можешь потерять ее навсегда. Поэтому я ее отпустил и занял выжидательную позицию. Решил выжидать и наблюдать издали. У меня должна была остаться вера, что Хейли в конце концов поймет: мир не делится на черное и белое, что есть и серые оттенки. И что ее отец пребывает именно на серой полосе.

Но был вопрос, который нависал над этой верой словно грозовая туча. Как можно надеяться на то, что кто-то тебя простит, когда глубоко в душе ты сам не можешь простить себя?

Зажужжал телефон, и я принял звонок от Баллокс, только что вышедшей из здания суда в центре города.

– Ну, как прошло?

– Думаю, нормально. Шелли Алберт, конечно, была не особо рада, но судья надавил на нее по поводу пункта о сотрудничестве, и в конце концов она сдалась. Итак, мы вышли на сделку, осталось уломать Дейрдру. Переговоры велись при закрытых дверях, и Рэмси там не

присутствовала. Нам придется проехать до тюрьмы и рассказать ей о новом предложении окружного прокурора.

– Хорошо. Сколько у нас времени?

– По сути, сорок восемь часов. До вечера пятницы. Судья намерена выслушать нас в понедельник.

– Ладно, тогда поедem к ней завтра. Я вас познакомлю, там ее и уломаешь.

– Договорились. А ты где? Я слышу какие-то вопли.

– На тренировке по футболу.

– Правда? Вы с Хейли наладили отношения? Так это ж здо...

– Не совсем. Просто смотрю. Что планируешь дальше?

– Наверное, поеду обратно в юридическую библиотеку и добыю те папки. На мой взгляд, в Пасадену ехать за протоколами поздновато.

– Спасибо, что взяла на себя Рэмси.

– Была рада. Мне и правда понравилось, Микки. Хочу больше уголовных дел.

– Организуем. Давай, до завтра.

– Подожди, еще кое-что. Есть секундочка?

– Конечно.

– Я села слева от судьи, как ты и предложил. Знаешь, думаю, помогает. Меня он внимательно слушал, а Шелли, когда она отвечала, все время прерывал.

Я мог бы намекнуть, что внимание судьи вызвано иными причинами: Дженнифер Аронсон – привлекательная и активная девушка двадцати шести лет, а Шелли Алберт, на сутулых плечах и нахмуренных бровях которой лежит бремя доказывания, провела в офисе окружного прокурора уже целую жизнь.

Однако вместо этого я сказал:

– Вот видишь, я тебе говорил.

– Спасибо за подсказку, – поблагодарила она. – До завтра.

Я положил трубку и снова взялся за бинокль. Тренер начал тренировку в четыре, и девочки уже уходили с поля. Хейли только недавно перевелась и, как новичок, должна была собрать мячи и сложить их в сетку. На тренировке она стояла в воротах лицом ко мне, и я не видел ее со спины. Но когда она стала подбирать мячи, у меня ухнуло сердце: я заметил на футболке седьмой номер. Ее счастливый номер. Мой счастливый номер. Номер Микки Мантла. Она его не сменила. По крайней мере, хоть тонюсенькая ниточка, ведущая ко мне, не порвалась. Я воспринял это как знак, что не все между нами потеряно и что мне следует держать хвост пистолетом.

Часть 2

Мистер Везунчик

Четверг, 2 апреля

11

Не бывает так, что ведешь только одно дело. Дел всегда много. Я сравниваю адвокатскую практику с искусством лихого уличного актера, развлекающего толпу на венецианском променаде.

Есть человек, который вертит на палках тарелки, одновременно подкручивая кучу фарфоровых изделий. А есть человек, который жонглирует бензопилами – аккуратно, не прикасаясь руками к работающим частям лезвий.

Помимо дела Лакосса, под Новый год я вертел несколько тарелок. Леонард Уоттс, вооруженный угонщик, чтобы избежать суда, хоть и нехотя, но пошел на сделку. Переговоры провела Дженнифер Аронсон. То же самое она сделала и для Дейрдры Рэмси.

Я взял дело, вызвавшее в конце декабря большой резонанс, дело, которое больше походило на жонглирование бензопилой. Сэм Скейлс был арестован полицией Лос-Анджелеса за аферу, наполнившую слова «бессердечный грабитель» новым смыслом. Скейлса обвинили в том, что он создал фальшивый веб-сайт и страничку на Фейсбуке, чтобы выпросить денег на похороны ребенка, убитого в Коннектикуте во время школьной резни. Люди не скупились, и, по данным прокурора, Скейлс смог загрести почти пятьдесят тысяч. Афера шла гладко, пока родители умершего ребенка не заподозрили неладное и не обратились к властям.

Чтобы обеспечить себе анонимность, Скейлс использовал кучу фальшивых сетевых заморочек, но в конце концов – как бывает в таких случаях – ему понадобилось перевести деньги туда, откуда он смог бы их забрать. И он перевел деньги в отделение Банка Америки на бульваре Сансет в Голливуде. Когда он зашел, чтобы снять деньги, операционист заметил на счете флажок и, вызвав полицию, стал тянуть время. Сэму объяснили, что банк не хранит такие суммы наличными, потому что расположен в зоне повышенного риска, то есть шансы на ограбление здесь выше, чем в других отделениях. Скейлсу предложили подождать – деньги для него закажут и доставят в три часа бронированным автотранспортом – или сходить в центральное отделение, где такая сумма скорее всего будет в наличии. Мошенник не смог распознать аферу. Он предпочел сделать спецзаказ.

Когда в три часа он вернулся, его уже встречали два детектива. Те два детектива, которые арестовали Скейлса за последнее дело (защищал его я): воровство денежных средств, собранных для пострадавших от цунами.

На тот момент заполучить Скейлса хотели все: ФБР, полиция штата Коннектикут, даже Канадская королевская конная полиция, которая взялась за дело, потому что деньги жертвовали и иностранцы. Но арест произвела полиция Лос-Анджелеса, следовательно, преимущество получил городской офис окружного прокурора.

Скейлс, как и раньше, позвонил мне, и я принял вызов, взяв дело человека, которого так обливали грязью в СМИ за инкриминируемое преступление, что его пришлось поместить в одиночную камеру: опасались, что могут растерзать другие заключенные.

Негодование масс было так велико, что сам окружной прокурор, Деймон Кеннеди, человек, который переиграл меня на прошлогодних выборах, заявил, что он лично предъявит Скейлсу обвинение. Это, естественно, произошло уже после того, как я согласился защищать Скейлса в суде. Кеннеди снова представилась благодатная почва разгромить меня перед

лицом общественности. Он знал, что дело верняк, и смысла договариваться нет. Просто хотел извлечь выгоду из любой видеозаписи, любой статьи или заметки в сети, хотел получить любую толику внимания, которую мог выжать из создавшейся ситуации. Без сомнения, на этот раз Сэм Скейлс получит по полной программе.

Дело Скейлса лично мне тоже не пошло на пользу. В «Лос-Анджелес уикли» опубликовали статью «Кого больше всех ненавидят в Америке», своеобразный экскурс по многим аферам, в которых за последние двадцать лет обвиняли Скейлса. Мое имя, как имя его старинного адвоката, в этих эпизодах всплывало постоянно. Тот номер вышел за неделю до Рождества, и в результате моя дочь, которая снова посчитала, что отец ее публично унизил, встретила меня довольно холодно. Перед этим мы договаривались, что мне позволят прийти рождественским утром с подарками для дочери и бывшей жены. Как бы не так. То, что я надеялся, станет оттепелью в наших отношениях, вылилось в снежный буран. И ужинал я в тот вечер замороженными полуфабрикатами. В одиночестве.

В первую неделю апреля я от лица Андре Лакосса выступал в качестве адвоката перед distinguished Нэнси Лего. Прошло уже шесть недель с начала суда, и Лего заслушивала свидетельские показания относительно ходатайства об исключении доказательств, которое я подал вскоре после предварительного слушания.

Лакосс сидел рядом со мной за столом защиты. Он провел в тюрьме пять месяцев и был крайне истощен духом, о чем говорила бледность кожи. Некоторым людям удается смириться с ограничениями, которые накладывает решетка. Андре к ним не относился. Он часто упоминал, что в неволе теряет рассудок.

В результате обмена материалами в рамках досудебного представления доказательств, начавшегося в декабре, я получил копию беседы Андре Лакосса с главным следователем по делу об убийстве Глории Дейтон.

Мое заявление об исключении доказательств гласило, что эта беседа на самом деле была допросом и что полиция обманным путем и с применением силы выудила из моего клиента уличающие заявления. Кроме того, в ходатайстве заявлялось, что детектив, который допрашивал Лакосса в крохотной комнатке без окон, жестоко поправил его конституционные права. Он зачитал «предупреждение Миранды» относительно прав на адвоката лишь после того, как Лакосс сделал избобличающие его заявления и был арестован.

Во время допроса Лакосс отрицал, что убил Дейтон, что было для нас неплохо. Плохо было то, что он предоставил полиции мотив и возможности. Он сознался, что в ночь убийства находился в квартире жертвы и что они с Глорией поспорили из-за денег, которые ей должен был заплатить клиент из «Бeverли-Уилшир». Он даже признался, что схватил Глорию за горло.

Конечно, такое свидетельство – которое он же сам против себя предоставил – не могло не повлечь за собой обвинение. И как показало предварительное слушание, оно стало основанием для дела, возбужденного окружным прокурором. Но сейчас я просил судью исключить эту запись из дела и не дать присяжным ее увидеть. Помимо практики запугивания, примененной детективом в той комнате, Лакоссу не зачитали его права, пока он не упомянул, что побывал в квартире Дейтон за несколько часов до ее смерти и что у них вышла ссора.

Ходатайство об исключении доказательств – самый безнадежный из всех маловероятных шансов на успех, но в этом случае попытаться стоило. Если получится выбросить из материалов дела видео допроса, все перевернется. Возможно, чаша весов даже склонится в сторону Андре Лакосса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.